

**Cross - Cultural Studies:
Education and Science (CCS&ES)**

Issue I, March 2016

The American scholarly journal Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES) ISSN-2470-1262 is both moderated and refereed.

The main goal of the journal is to provide an intellectual platform for scholars from different countries. The journal supports interdisciplinary studies in the humanities and social sciences.

Editor-in-Chief: Prof. Thomas R. Beyer, Middlebury College, USA

Managing Editor: Prof. S.M. Minasyan, ASPU, Yerevan, Armenia

International Scientific Board:

Prof. M. Kitajo, Kyoto Sangyo University, Kioto, Japan

Prof. T. Kuprina, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Prof. S. Minasyan, Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan, Yerevan, Armenia

Prof. T. Olcay, Istanbul University, Istanbul, Turkey

Prof. A. Petrikova, Prešov University, Prešov, Slovakia

Prof. M. Perotto, Bologna University, Bologna, Italy

Prof. N. Romanova, Moscow State Technical University after N. Bauman, Moscow, Russia

Prof. Wang Liye, Beijing Foreign Studies University, Beijing, China

Address for correspondence and submissions:

Prof. Thomas R. Beyer

e-mail: beyer@middleberry.edu;

infoccs.edu@gmail.com

Tel: +001-802-233-9447

Web: <http://sites.middlebury.edu/ccses/>

Cite this item from WorldCart

The scientific journal is registered with Library of Congress, International center 227/07, Section ISSN Publisher liaison

The Library of Congress

101 Independence Avenue SE

Washington, D.C. 20540-4284

Publisher address: Russian Department, Middlebury College, Middlebury, Vermont 05753, USA

The journal publishes articles in English and Russian. Submissions for the first issue are accepted until March 15 – first number, May 15 – second number, July 15 – third number, October 15 – fourth number.

Copyright © CCS&ES

CONTENTS

<i>From the editorial board</i>	5
THE BIRTH OF THE JOURNAL – Thomas R. Beyer, Middlebury College, USA.	5
<i>Literature: Historic and Contemporary</i>	7
1. PROBLEMATIC LEARNING AND TEXTOCENTRIC APPROACH: INNOVATIONAL METHODS OF TEACHING RUSSIAN LITERATURE IN GRADUATE SCHOOL - Kuralay Urazayeva, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan.	7
2. COLLECTED POEMS BY B. PASTERNAK “MY SISTER, LIFE,” “WHEN IT CLEARS UP,” MAN AND TIME, MAN AND NATURE, THE CONCEPT OF AN ARTIST - Vera Dmitrievna Serafimova, Moscow State Pedagogical University, Russia.	16
3. THE PROBLEMS OF RUSSIAN LANGUAGE MENTALITY - Yang Mingtian, Shanghai International Studies University, China.	27
<i>Contemporary Issues of Linguistics and Translation</i>	34
4. LANGUAGE CONSCIOUSNESS INVESTIGATION BASED ON MODELLING COMPREHENSION OF DIFFERENT TEXT-TYPES - Natalia Petrovna Peshkova, Bashkir State University.	34
<i>Theory and Methodology of Bilingual and Multilingual Education</i>	43
5. REFLECTION OF METAPHORS IN FACE2FACE, NEW HEADWAY AND INSIDE OUT (ADVANCED) COURSE BOOKS - Zeinep Zhumatayeva, Nazarbayev University, Kazakhstan - Meruyert Seitova, Hacettepe University, Turkey.	43
6. ECONOMIC STRATEGIES IN INTERNATIONAL ACADEMIC MANAGEMENT - Tamara V. Kuprina, Ural Federal University, Russia - Svetlana M. Minasyan, Armenian National Pedagogical University after Kh. Abovyan, Armenia.	53

7. TRAINING OF PERSUASION TECHNOLOGIES AS AN ACTIVATION OF COGNITIVE ACTIVITY OF STUDENTS AND THE FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE - Sanim Kozhayeva, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan.	59
<i>Informational and Smart Technologies for Education</i>	69
8. SMART- TECHNOLOGIES AS AN EFFECTIVE MEANS OF EDUCATIONAL INTERCULTURAL COMMUNICATION - Tatiana Petrovna Skorikova, Plekhanov Russian University of Economics Bauman Moscow State University, Russia.	69
<i>Socio-cultural Issues of Migration</i>	75
9. MIGRATION SPECIFICATION OF THIRD DEMOGRAPHIC TRANSITION IN RUSSIA- Elena B. Bedrina, Ural Federal University - Olga A. Kozlova, Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Russia.	75
10. ABOUT ONE ADIABATIC INVARIANT OF COUNTRIES' SUSTAINABILITY IN INTERNATIONAL MIGRATION PROCESS - Armen M. Tsaturyan, H. Tumanyan Vanadzor State University, Vanadzor Special School of Mathematics and Natural Sciences, SNPO, Armenia.	80
11. ACADEMIC MOBILITY AS EXPANSION FACTOR OF MIGRATORY FLOWS - Lyubov V. Sergeeva, Ural Federal University, Russia.	87
<i>Reviews and Notes</i>	93
A.Petrikova, T.Kuprina, J.Gallo "Fundamentals of Intercultural Didactics," Hypertextual Workshop on Intercultural Communication –M.: Russian Language. Courses, 2015. – 376p. ISBN 978-5-88337-416-5.	93
Anna P. Beketova, Tamara V. Kuprina "Five Lessons for Developing Tolerance" (for publication in 2016).	96
Vladimir Bondarenko "M. Yu.Lermontov. Mystical Genius." (An examination) 2016 - Xi Lei, Professor Beijing Union University.	97

From the editorial board

THE BIRTH OF THE JOURNAL – Thomas R. Beyer, Middlebury College, USA.

Welcome to this first issue of Cross Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES), Кросс-культурные исследования: Образование и Наука. Our bi-lingual title gives credit both to the American and English language home in Middlebury, Vermont and to the international community of scholars interested in Russia, the Russian language, culture and literature. Our contributors as well as our editorial board indicate the global nature of our undertaking. Russian and English language submissions are invited to share the space equally in this intellectual platform that supports interdisciplinary studies in the humanities and social sciences. The journal is intended for specialists, advanced degree students, teachers and scholars of different countries. We hope to publish specific as well as general overview articles, reviews of books, textbooks, and other pedagogical materials.

The appearance of the journal should be a cause of great joy, both for enthusiasts of the digital age and traditionalists who bemoan the shrinking role of the printed media in parts of our lives. Our journal offers an electronic version responding to the ever-increasing capabilities and democratization of digital access. But recall Mikhail Bulgakov's words from *The Master and Margarita* that "manuscripts do not burn." The durability of the handwritten then printed word has proven itself over time and offers promise that long into our futures printed articles will survive and be available to new generations of readers.

This journal is a new beginning, in its infancy, but its appearance is directly related to an initiative begun years ago. The modest beginning can be traced to 2008 and the first virtual conference from Yerevan, Armenia, Educational and Cultural Space of CIS and Europe: Information Technologies in Teaching Russian Language in non-Language Universities. Another two annual conferences originated in Yerevan on Information Educational Space: International Planet 'Russian Language' and Information and Communication Technologies in Russian Studies: Current State and Prospects. The project, Creating Virtual Educational and Scientific Space for the World Community, coalesced into a Coordinating Council that now includes Armenia, Czech Republic, Italy, Japan, Russia, Slovak Republic, South Korea, and USA.

Subsequent virtual conferences originated in 2011 from Middlebury, Educational Technology in Virtual Linguistic and Communicative Space, and Moscow in 2012 An International Education Summit "At Crossroads of Cultures". In 2012 CLIRO at the University of Bologna, Italy, sponsored the Sixth Virtual World Congress on Russian Philology and Culture of the "Planet "Russian Language" in Linguistic and Communicative Space. Most recently in 2014 Kyoto University hosted the Seventh Virtual Forum: Socio-Cultural and Philological Aspects in Educational and Scientific Context. This September the Eight Virtual Conference originates from Istanbul Turkey.

What began as a few dozen submissions and participants has grown into hundreds who submit serious scholarly articles and then participate either virtually from their offices or homes in dozens of countries, or others who now travel to experience the collegiality at the host institution. It be-

came clear that the yearly conferences were not sufficient to answer the need for timely publication of important research and deliberations, nor was there space in the proceedings to accommodate all. Several of the publications devoted to the forums have been singled out for recognition and rewards, and the last volume exceeded 700 pages.

The collected papers of the Seventh Virtual Forum: Socio-Cultural and Philological Aspects in Educational and Scientific Context (Kyoto University) was awarded the commendation of Laureate of the International Exhibition of Educational Technologies in Moscow in May 2015 and the Gold Medal of VDNKh (The Exhibition of Achievements of the National Economy) at the 28th International Book Exhibit in Moscow in September of 2015.

All of this would not have been possible without the dedicated volunteer efforts of the coordinating committee, most who are represented on the new editorial board of this journal. They are too modest to wish to be singled out for special recognition, but their ongoing efforts remain a source of inspiration to me. There is, however, one individual without whom none of this would have come to fruition. Svetlana Minasyan, my associate editor, has fostered these conferences and the idea of this publication from the start. Her vision, tireless and selfless devotion to improving cultural and linguistic competence through all means, in particular using technology for educational purposes, is the foundation of our work. She has torn down the barriers of space and time to enlist hundreds of scholars and educators in a model of collegial collaboration.

Now we ask you to join with us, in celebration of this first issue, but also in its success that will depend upon readers and contributors like yourselves. Send us your articles, reviews, suggestions for improvements and yes, your criticism, where we are less than perfect. Share us with your colleagues, your departments, libraries and institutions.

Literature: Historic and Contemporary

UDC 378.147:82

Kuralay Urazayeva
L.N. Gumilyov Eurasian National University

ПРОБЛЕМНОЕ ОБУЧЕНИЕ И ТЕКСТОЦЕНТРИЧНЫЙ ПОДХОД: ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В МАГИСТРАТУРЕ

PROBLEMATIC LEARNING AND TEXTOCENTRIC APPROACH: INNOVATIONAL METHODS OF TEACHING RUSSIAN LITERATURE IN GRADUATE SCHOOL

Abstract

The article is dedicated to the innovational methods of teaching Russian Literature in graduate school in the aspect of duality of philosophy and literature.

The subject of the article is the description of the experience of developing and giving lectures of elective Literary Studies courses.

The subject of the article is the illustration of transformation of cognitive activity into a professional one using the example of Literary Studies courses from the standpoint of philosophic-and-esthetic issues and philosophic-and-esthetic concepts of Russian Literature.

The aim of the article is establishing the relation between problematic learning and content of graduate students' activity in the process of giving lectures, conducting practical lessons and organizing students' independent work (SIW).

Survey hypothesis lies in prevailing inter-disciplinary connections, meaning of textocentric approach for the successful of problematic learning, motivation of learners to study literature and to pursue scientific activity.

Close relation of Literary Studies and techniques characterizes the methodology of the project, orientation to the experience of developing innovational standards of literary education, contemporary ideas of the tools of literary text analysis.

Work results - development of author's courses in graduate school and doctorate, writing and issue of a textbook, textbook of methods.

Scientific contribution is the development of the model for transforming a cognitive activity into a professional one on the basis of author's courses materials.

Conclusions: studying Russian Literature proves its philosophic conditionality. The efficiency of problematic learning is ensured not only by students' motivation, but by the content of graduate students' activity. In order to transform the cognitive activity into a professional one, it is recom-

mended to actively use graduate students' reports, discuss scientific articles, dialogue technologies, techniques of monographic analysis of separate texts for the creation of communicative environment, formation of "reader's competence".

Sphere of results application - theory of literature, history of Russian literature, methods of teaching literature, cultural studies, philosophy, esthetics.

Direction of further surveys - development of the integration base of literature and rhetoric.

Keywords: innovation, Literary Studies, philosophy, graduate school, author's courses, problematic learning, textocentric approach

Введение

Кросс-культурный подход к чтению дисциплин в области литературоведения базируется на мысли о двуединой природе философии и литературы. Такой подход обусловил опыт разработки модульно-образовательных программ для магистратуры по специальностям «6М020500 - Филология: русская филология» и «6М011800 – «Русский язык и литература», начиная с 2012 года в части введения авторских курсов (элективных дисциплин).

В настоящей статье описана учебно-методическая концепция курсов, способы применения инновационных методов чтения лекций и их роль для формирования мотивации обучающихся к научной деятельности, показана связь между успешностью проблемного обучения и содержанием деятельности магистрантов в процессе проведения практических занятий и самостоятельной работы обучающихся (СРО).

Актуальность заявленной темы обусловлена иллюстрацией трансформации познавательной деятельности в профессиональную на примере литературоведческих курсов с позиций философско-эстетических проблем и философско-эстетических концепций русской литературы. Целью статьи является установление связи между успешностью проблемного обучения и содержанием деятельности магистрантов в процессе чтения лекций, проведения практических занятий и организации самостоятельной работы обучающихся (СРО).

Предпринятый в статье подход отражает одно из направлений дидактики высшей школы.

Теория

Современные актуальные вопросы изучения и преподавания русской литературы обусловлены различными теоретическими представлениями о границах собственно литературы и путях анализа художественного текста. Во-первых, Ц. Тодоров подверг сомнению «правомерность» самого понятия литературы: «ведь оттого, что имеется соответствующее слово, и оттого, что это слово положено в основу университетских курсов, само существование литературы еще не становится очевидным. Для подобного сомнения есть основания, прежде всего - эмпирического характера» [1, с. 355]. «Поддержку» такого подхода, объясняющего мнение о необходимости ревизии литературоведческого инструментария, потребности выработать новые «более гибкие, модели анализа, разработать новую терминологию, сделать более пластичными критерии оценки» находим в современном учебнике теории литературы А.И. Николаева [2, с. 9]. В польском издании

Ержи Фарыно («Введение в литературоведение») обращает внимание на перспективность введения категории «инструмент анализа» и для филологии, и для методики [3]. Во-вторых, понимание науки о литературе как теоретического и исторического литературоведения с доминированием первого актуализирует в преподавании изучение эстетических категорий [4, Online]. В-третьих, мнение о литературоведении как модели науки вообще, как «своеобразного способа современного философского мышления» (Ильин И.П.), обусловленности фундаментального характера литературоведения философским компонентом или даже философской основой привело Е.А. Иконникову к мысли о необходимости учета двуединой природы философии и литературы [5, с. 116]. В-четвертых, современное понимание литературного процесса в экспериментальном пособии к экспериментальному курсу теории литературы Е. Черноиваненко строится на представлении о том, что теория литературы должна опираться на эстетику, представляющую собой философию искусства, и историю культуры, синтезирующую в себе достижения всех гуманитарных наук [6]. И, наконец, опыт применения коммуникативной дидактики в реализации инновационных стандартов обучения в России, идей И.В. Тюпы на основе коммуникативной дидактики и формирования «читательской компетенции» [7, Online], [8, с. 4-15] также оказал влияние на методику чтения авторских курсов. Формирование навыков «квалифицированного» чтения обусловило главенствующее место текстоцентричного подхода как приоритетного направления коммуникативной компетенции. Разновидностью текстоцентричного подхода является имманентный анализ, методике которого посвящены учебные программы и работы М.Л. Гаспарова [9, с. 96-99], [10, с. 9-20].

Своего рода началом текстоцентричного понимания текста можно рассматривать известную работу Р. Барта «Смерть автора», где он пишет: «Читатель - это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых слагается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении» [11, с. 390].

Данные и методы

При внешнем ощущении дублирования описываемых курсов особого внимания требует акцент на разнице обозначенных в учебных программах дисциплин (силлабусах) задач изучения предметов. Так, цель изучения дисциплины «Философско-эстетические проблемы русской литературы - знакомство с методологией литературоведения на базе философско-эстетических проблем (курсив мой - У.К..) русской литературы. Цель же изучения предмета «Философско-эстетические концепции в русской литературе» сформулирована как знакомство с методологией литературоведения на базе философско-эстетических концепций русской литературы, теорией, историей, современным состоянием философии и эстетики. Таким образом, для магистрантов формируется связь курсов: изучение философско-эстетических концепции русской литературы, расширяющее и углубляющее знания историко-литературного плана, предполагает специальное исследование философских школ, направлений, течений философской мысли.

На этапе введения в проблематику курса оправдан тип лекции-консультации с применением метода проблемного изложения. Так, изучение структуры и образовательной парадигмы

курса, знакомство с методологией литературоведения предполагает постановку ключевых вопросов предмета с целью формирования представлений о траектории обучения.

Распространенным видом лекции является проблемная лекция. Очевиден и преобладающий метод изложения - проблемный. Так, при изучении темы «Эстетика славянофилов и полемика с В. Белинским» вопросы «Идея народности в эстетике славянофилов», «Славянофилы и В. Белинский: полемика в сфере истории литературы» предполагают не только проблемное обозначение философской основы споров в русской литературе, в то время как в бакалавриате при изучении истории русской литературы это формирование общей картины в аспекте влияния на течения русского реализма. Для эффективного усвоения темы и расширения эстетического диапазона темы планируется активизация познавательной деятельности магистрантов путем использования исследовательского метода и самостоятельной подготовки ими к лекции вопроса «Философское обоснование славянофилами идеи самобытности русского пути».

Шире всего применяется такой вид лекции, как лекция с анализом конкретных ситуаций. Здесь рекомендуется применение магистрантами частично-поискового, или эвристического метода. Так, при чтении лекции на тему «Философия безумия в русском реализме. А. Грибоедов, А. Пушкин, Н. Гоголь» обобщение знаний по истории русской литературы и формирование новой парадигмы знания предполагает привлечение имеющихся знаний в перспективе этико-эстетических интерпретаций. Решению такой задачи служит постановка вопросов: «Типология образа Чацкого с Альцестом из мольеровского «Мизантропа» и Гамлетом В. Шекспира», «Неприятие А. Пушкиным («Полтава», «Пиковая дама», «Медный всадник») романтической апологии безумия», «Тезис Г.А. Гуковского о близости Гоголя и Пушкина в трактовке темы безумия».

На этапе изучения материала обзорного характера предпочтительной представляется лекция-беседа. Метод проблемного изложения выявляет типологические контакты литературы и философии. Лекция-беседа предполагает отказ от развернутой структуры занятия. Так, изучение темы «Русское западничество и литературный процесс» акцентирует внимание на таких вопросах, как «Русские писатели-западники» и «А.И. Герцен и философские сочинения». Отсюда доминирующая роль преподавателя по типу чтения традиционной лекции и активизации модели лектора как авторитетного источника знания.

Для введения в учебный курс новых и полемических открытий науки актуальным представляется чтение лекции-дискуссии. Синтез методов проблемного изложения, исследовательского и репродуктивного выстраивает перспективу историко-литературного плана. Интерес магистрантов привлекают вопросы «Ф. Достоевский о “подпольном” человеке как главном человеке в русском мире», «“Записки из подполья” и спор с Н. Чернышевским» и «Образ “подпольного” человека Раскольникова». Возможности исследовательского метода демонстрируются на материале магистерской диссертации Д.В. Гертфельдер на тему «Роман Ф. Достоевского “Бесы” как объект религиозно-философской рефлексии», защищенной в ЕНУ в 2015 году под научным руководством автора настоящей статьи. Подпольное сознание исследовано магистрантом в аспекте концепции двойничества, «ставрогинского греха»

как одного из аспектов концепции бесовства и этического бунта Ставрогина (в отличие от метафизического бунта Кириллова) [12, с. 72-79] дало основание автору расширить в диссертации представление о ницшевской рецепции. Так формируется мотивация обучающихся к изучению переломных моментов в истории русской литературы, переломных явлений в творчестве отдельных писателей. Парадигма научного исследования задает не только модель проведения поисковой работы, но и мотивирует к поиску и использованию современных концепций литературоведения, зачастую вырабатываемых на стыке смежных дисциплин.

Близка к описанному виду лекция-конференция. Одна из тем изучаемого курса «Вл. Соловьёв: философия” всеединства“». Категория красоты и безобразного». Проблемная постановка вопроса «Место эстетического опыта в системе миропонимания Вл. Соловьёва и в социальном универсуме» предполагает анализ категорий красоты и безобразного как на материале эстетики Вл. Соловьёва, так и его драматических произведений. Исследование магистрантами философии «всеединства», приведшей к размежеванию Вл. Соловьёва с Вяч. Ивановым, объясняющей особое отношение первого в сравнении с другими символистами к Ницше и его рецепции в русской литературе начала XX века, способствует не только достижению цели курса в наиболее сложных его проявлениях, но и обеспечивает целостное понимание эстетических основ русского символизма. Целостность понимания обеспечивается здесь понятием метаязыка символизма. Р. Барта разграничивал язык-объект (сам предмет логического исследования) и метаязык (неизбежно искусственный язык, на котором такое исследование ведется), отсюда «Логическое мышление как раз и состоит в том, что отношения и структуру реального языка (языка-объекта) я могу сформулировать на языке символов (метаязыке)» [13, с. 131].

Лекция-конференция предпочтительна при изучении самых сложных тем курса, соединяющих смежные дисциплины. Философия религии, теория и история русской литературы, этика, эстетика обуславливают успех восприятия обучающимися не только приведенной выше темы, но и такой темы, как «“Бог страдающий и ликующий” в теории Вяч. Иванова». Темой лекции предусмотрено изучение таких вопросов, как «Полемика А. Белого («Символизм и современное русское искусство») и Вяч. Иванова («Две стихии в современном символизме. Экскурс: Эстетика и исповедание»)», «“Дионисизм” как философия искусства и метафора свободы творчества», «Вяч. Иванов как “духовный вождь” русского символизма», «Система религиозно-философских воззрений Вяч. Иванова и мифопоэтическая символика Платона».

Обеспечение целостного подхода к реализации учебно-методической концепции курса предполагает единство методологии при проведении лекционных и практических занятий, а также организации, методического обеспечения и форм контроля знаний магистрантов при выполнении самостоятельной работы. В технологии учебного процесса центральное место занимают вопросы проведения практических занятий.

Цель проблемного обучения - формирование знания, гипотез, их разработки и решений. Отсюда внимание к диалоговым технологиям для создания коммуникативной среды, техника монографического разбора отдельных произведений.

При проведении практических занятий распространено сочетание докладов магистрантов и обсуждение научных статей. Доминирующий метод проблемного изложения позволяет магистрантам ощущать специфику изучаемого курса, проникнуться пониманием обусловленности литературы философией, формирующим представлением о литературоведении как философско-эстетической дисциплине. Например, тема «Новое религиозное сознание» и философско-эстетические основы символизма» не случайно дифференцирована по направлениям: Д. Мережковский. А. Белый. Вяч. Иванов. Н. Бердяев. Обеспечение широты диапазона русского символизма не только со стороны знакомых по бакалавриату историко-литературных ракурсов проблемы, но и со стороны эстетики, градации философско-эстетических основ символизма, оказавших влияние на формы организации текста в символизме, концепций исторического христианства, позволяет осознать особое место «серебряного века» в русской литературе. Это объясняет сущность литературной борьбы начала XX века, роль символизма для его последующего «преодоления» (В. Жирмунский) акмеизмом, школой «поэтической семантики», а также ролью символизма для последующей судьбы русской литературы, в сравнении с русским авангардом и его радикальным выражением в футуризме.

Тип проведения практического занятия, когда актуальна композиция: развёрнутая беседа с элементами конференции и дискуссии - наблюдение и анализ - обсуждение научных статей - включает новый компонент, мотивирующий преподавателя к широкому и активному применению метода дискуссии. Так, изучение темы «Философия человека Ф.М. Достоевского» синтезирует знания, полученные в процессе отмеченных тем. Оправданность метода дискуссии при обсуждении вопросов «В. Соловьёв о Ф. Достоевском как провидце и пророке, “предтече нового религиозного искусства”», «Проблема метафизического содержания сочинений Ф.М. Достоевского», «“Вечные” вопросы христианской мысли в творчестве Ф.М. Достоевского» предполагает понимание альтернативных точек зрения в науке, от революции как бесовства до нимфофилии, от подпольного сознания к ницшевской рецепции в русской литературе начала XX века. Пропаганда и вульгаризаторство Ницше [14, с. 27], изучение опубликованной в 90-е годы главы «У Тихона», являющейся композиционным центром романа и объяснением религиозно-метафизической природы романа Достоевского, кризиса православия и институтов государства и власти составляет специфику философско-эстетического изучения литературы.

При постоянстве апробируемых видов работы с магистрантами частота обращения к методу проблемного изложения направлена на концентрацию внимания обучающихся на центральных вопросах изучаемой темы. Например, изучение темы «Философия и эстетика русского литературного авангарда» в силу сложности и наличия оппонированных друг другу концепций, восполняющих научную рецепцию, от работ Ж.-Ф. Жаккара [15] до исследований Д. Шукурова [16] может быть сфокусировано на двух полюсах темы. Это «Русский литературный авангард: искусство как особого рода духовная практика» и «Модель мира в литературе русского авангарда».

Доклады магистрантов и метод проблемного изложения могут сочетаться с методом «мозгового штурма» при изучении тем, связанных с обобщением обзорного материала. Так,

изучение классицизма как эстетического направления и художественного стиля реализует стратегию «мозгового штурма» при активизации демонстрируемых знаний: о рационализме как философской основе классицизма и принципе организации художественного целого. Рекомендация привести примеры на основе произведений «высоких», «средних» и «низких» жанров позволяют преподавателю убедиться в степени понимания классицистического нормативизма и идей подражания природе, правдоподобия и изящества.

Своего рода продолжением «мозгового штурма» представляется развёрнутая беседа. Такая форма проведения практического занятия оправдана при изучении тем, не имеющих единодушной научной интерпретации. Таково, например, промежуточное положение сентиментализма. Традиционно это школа, эпоха, самостоятельная по отношению к предшествующему классицизму и последующему романтизму, а в концепции Г.А. Гуковского она тождественна предромантизму - начальной стадии романтизма [17, с. 17]. Изучение темы «Философско-эстетические основы русского сентиментализма» предполагает жанр беседы, обзора таких вопросов, как «Динамика литературного процесса XVIII века», «Герой сентиментализма. Новые принципы типизации и индивидуализации героя».

В технологии кредитной системы обучения, внедренной в магистратуре РК с 2002 года, особое внимание уделяется организации СРО. Здесь преобладают два вида СРО, к лекциям и по отдельному графику самостоятельной работы. С точки зрения характера выполнения это письменные работы аналитического и реферативного характера. Так, при первом виде упор направлен на анализ авторской трактовки. Например, при выполнении СРО на тему «Понятие «общественного долга» как источник философско-эстетической концепции драмы А. Сумарокова "Дмитрий Самозванец"» предусмотрен анализ интерпретации драматургом «общественного долга». При выполнении письменной работы реферативного характера, например, на тему «Книга В. Одоевского "Русские ночи" как отражение идей Шеллинга» предлагается привести примеры влияния учения Шеллинга на русского писателя.

При выполнении СРО традиционно уделяется внимание выполнению работ, направленных как на глубокое изучение тем курса, так и выработку навыков работы с исследовательской литературой, умения формулировать в тезисной форме научные концепции, излагать в жанре развернутой аннотации содержание научных работ, навыков отбора литературы по теме и владение библиографической культурой. Отсюда рекомендация таких видов работы, как написание рефератов, касающихся спорных мнений в науке, в частности, об истоках становления русской философии, альтернативных точек зрения на вопросы русской философии и литературы. Способность к самостоятельному мышлению формируется на выполнении магистрантами таких видов работы, как написание эссе, выявляющих умение привести примеры по спорным и нерешенным проблемам науки, демонстрировать аналитическое мышление. Например, такова тема «Смиренномудрие как феномен Древнерусской литературы». Или такая тема, как «Концепция «Москва – Третий Рим» в литературе символизма». Не менее важным видом работы представляется умение магистрантов составлять библиографические указатели научных работ по теме. Так формируется культура работы с источниками.

Полученные результаты

Реализация философско-эстетического подхода к изучению и преподаванию русской литературы привела, во-первых, к разработке других близких элективных дисциплин в магистратуре таких, как «Методика преподавания русской литературы в высшей школе», «История теоретического литературоведения», «Современное теоретическое литературоведение», «Трансформация литературного жанра». В докторантуре были апробированы дисциплины «Дискурс-анализ: социально-культурное значение и пути преподавания», «Классика XIX-XX вв. в контексте религиозно-философских исканий», «Рецепция творчества Ф. Достоевского в зарубежной русистике», «Рецепции инациональной литературы в творчестве русских классиков», «Архетипы в русской литературе», «Нарратология и актуальные проблемы русской классики», «Технологии контекстуально-интертекстуального анализа».

Под научным руководством автора были защищены магистерские диссертации Елеукиной Д.С. - «Трансформация жанра в литературе постмодернизма первой волны: деконструкция и юродство как художественные стратегии» (2014); Есентемировой А.А. - «Неявный символизм и метафизический смысл в поэтике И. Бунина 1910-х годов («Деревня», «Суходол», «Весёлый двор»)); Гертфельдер Д.В. - «Роман Ф. Достоевского «Бесы» как объект религиозно-философской рефлексии»; Бектасовой Г.С. - «Мироощущение «потерянного поколения» в прозе А. Куприна: экзистенциальная проблематика и жанровая стратегия. Повесть «Поединок».

В настоящий момент готовится к изданию учебник «Методика преподавания русской литературы в вузе», монография «Анализ художественного текста», методическое пособие «Сборник учебных программ по элективным курсам магистратуры».

Разработка модели проведения практических занятий и организации СРО, обеспечивающей трансформацию познавательной деятельности в профессиональную, предполагает в качестве приоритетной задачи применение текстоцентричного подхода.

Заключение

Итак, предложенная модель элективных курсов в магистратуре с позиций изучения философско-эстетических проблем и философско-эстетических концепций русской литературы выявляет преимущество междисциплинарных связей для углубления знаний, активизации познавательной деятельности магистрантов и формирования мотивации к занятиям научной деятельностью.

Результативность проблемного обучения обеспечивается не только мотивацией обучающихся, но и содержанием деятельности магистрантов. Для трансформации познавательной деятельности в профессиональную рекомендуется активное использование докладов магистрантов, обсуждения научных статей, диалоговых технологий, техник монографического анализа отдельных текстов для создания коммуникативной среды, формирования «читательской компетенции».

References

1. Todorov Ts. (1983) Ponyatiye literatury [Notion of Literature] // Semiotika [Semiotics]. M.: Raduga, 355-369.
2. Nikolayev A.I. (2011) Osnovy literaturovedeniya: uchebnoye posobie dlya studentov filologicheskikh spetsialnostei. [Basics of literary studies: study guide for the students of philological majors.]. Ivanovo: LISTOS, 255.
3. Farino E. (2004) Vvedeniye v literaturovedeniye [Introduction to literary studies] . Spb.: Herzen RSPU Publishing House, 639.
4. Novaya literaturnaya entsiklopediya. Teoreticheskoye literaturovedeniye. [New Literary Encyclopedia. Theoretical Literary Studies]. [Online]. Available: <http://www.nlit.ru/> (October 25, 2012).
5. Ikonnikova E.A. (2004) Filosofskiye osnovy vuzovskikh kursov teoreticheskogo literaturovedeniya // Pedagogicheskoye obrazovaniye v klassicheskom universitete [Tekst]: materialy konf. / [Philosophic basics of academic courses on Theoretical Literary Studies // Pedagogical education in the classic university [Text]: conference materials.]. Sakhalin State University. "Pedagogicheskoye obrazovaniye v klassicheskom universitete," vseross. nauch.-prakt. konf. ["Pedagogical education in the classic university," All-Russian Scientific-and-Practical Conference] (October, 10 / 2002; Yuzhno-Sakhalinsk). Yuzhno-Sakhalinsk: SakhSU, 115-118.
6. Chernoiivanenko E. (1997) Literaturnyi protsess v istoriko-kulturnom kontekste. Razvitie i smena tipov literaturno-khudozhestvennogo soznaniya v russkoi slovesnosti XI-XX vekov. [Literary process in the historical-and-cultural context. Development and alternation of literary and art consciousness in Russian language arts of the 11th-20th centuries.]. Odessa: Mayak, 710.
7. Tyupa I.V. Innovatsionnyi standart literaturnogo obrazovaniya. [Innovational standard of literary education]. [Online]. Available: [<http://metlit.nm.ru/materials/communic/innovst.html>] (March 5, 2015)
8. Tyupa I.V. (1991) K novoi paradigme literaturovedcheskogo znaniya [To new paradigm of literary studies knowledge] // Esteticheskii diskurs. Semio-esteticheskiye issledovaniya v oblasti literatury [Esthetic discourse. Semio-aesthetic surveys in the sphere of literature]. Novosibirsk: Novosibirskii gos.ped, institut, 4-15.
9. Gasparov M.L. (1996) Analiz literaturnogo teksta [The analysis of literary text] // Programma i uchebnyi plan otdeleniya teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki [The program and curriculum of Theoretical and Applied Linguistics Department]. M.: MSU, 96-99.
10. Gasparov M. L. (1997) "Snova tuchi nado mnoyu..." Metodika analiza ["Again clouds above me..." Analysis methods] // Gasparov M. L. Izbrannye trudy [Selecta] T. II. O stikhakh [V. 2. About poems]. M.: Yazyki russkoi kultury, 9-20
11. Bart R. Smert avtora (1994) [The Death of the Author] // Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selecta: Semiotics. Poetics]. M.: Progress, 384-391.
12. Gertfelder D.V. (2015) Pokayanie i raskayanie Nikolaya Stavrogina: arkhetypy pauka i gerani v mifologicheskoi poetike romana F. Dostoyevskogo "Besy" [Penance and contrition of Nikolai Stavrogin: the archetypes of spider and geranium in the mythological poetics of F. Dostoyevsky's novel "Demons"] // Bulletin of Toraigyrov PSU, 4, 72-79.
13. Bart R. (1994) Literatura i metazyayk [Literature and meta-language] // Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selecta: Semiotics. Poetics]. M.: Progress, 131-132.
14. Klyus E. (1999) Nitshe v Rossii. Revolyutsiya moralnogo soznaniya [Nietzsche in Russia. The Revolution of Moral Consciousness]. Translation from English by L.V. Kharchenko, editor – L.D. Mikitich. SPb.: Academic Project, 240
15. Jacquard J.-F. (1995) Daniil Kharms i konets russkogo avangarda. [Daniil Kharms and the end of Russian Avant-garde]. Translated from French by F.A. Perovskaya. SPb.: Academic Project, p. 471.
16. Shukurov D. (2014) Russkiy literaturnyi avangard i psikhooanaliz v kontekste intellektualnoi kultury Serebryanogo veka. [Russian Literary Avant-garde and the psychoanalysis in the context of intellectual culture of Silver Age.]. M.: Languages of Slavic Culture, 224.
17. Gukovsky G.A. (1995) Pushkin i romantiki [Pushkin and romanticists]. M.: Intrada, 384.

Information about Author

Urazayeva Kuralai Bibitalyevna (Astana, Kazakhstan) - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, L.N. Gumilyov ENU, kuralay_uraz@mail.ru

*Serafimova Vera Dmitrievna
Moscow State Pedagogical University*

**COLLECTED POEMS BY B.PASTERNAK “MY SISTER, LIFE,”
“WHEN IT CLEARS UP,” MAN AND TIME, MAN AND NATURE, THE
CONCEPT OF AN ARTIST**

**ПОЭТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ Б.ПАСТЕРНАКА «СЕСТРА МОЯ –
ЖИЗНЬ», «КОГДА РАЗГУЛЯЕТСЯ». ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ, ЧЕЛОВЕК
И ПРИРОДА, КОНЦЕПТ ХУДОЖНИКА.**

Abstract

Boris Pasternak is the largest Russian poet and prose writer of the XX century, a Nobel prize winner, and an artist of deep spiritual conflict. He filled his works with the world and all its everyday reality, its joys and sorrows; he admitted and recorded life itself. This work discusses poems from the collection “My Sister, Life,” “When It Clears Up,” analyzes the poetics, and identifies dominant thoughts. Natural images in Pasternak’s poems relate to human life through associative connections, and to relations between people. His poems are filled with the spirit of modernity. Using associativity, the poet builds an inner logic of interaction between phenomena on the basis of their similarity, contiguity or contrast. Originality of most of the poems of Pasternak is determined by the solution of the global philosophical and ideological issues. The idea of unity of man with nature and the Universe is Pasternak’s concept of life.

The poetry of Boris Pasternak is analytical, its typical characteristics being intellectual tension and complex metaphors. The book “When It Clears Up” is regarded as a serious step in the creative development of its author. Its main themes are Man and Time, Man and Nature, The Artist and The Purpose of Art. The issue of time relates the poet’s own views of the world, with ideas about life, death and immortality. An artist, according to Pasternak, is closely connected with their span, but they are also the representative of eternity, because through creativity an artist reaches immortality. An artist’s concept is as follows: eternity’s own hostage, and prisoner of time.

Keywords: Boris Pasternak, Nobel Prize winner, Anna Akhmatova, Osip Mandelstam, collection of poems, “My Sister, Life,” “When It Clears Up,” “Yuri Zhivago’s Poems,” artist and time, artist and nature, concept of artist, cheerful attitude, lyrical hero, etc.

Поэтические сборники Б.Пастернака «Сестра моя – жизнь», «Когда разгуляется». Человек и время, человек и природа, концепт художника

Борис Леонидович Пастернак [29.01 (10.02).1890, Москва – 30.05.1960, Переделкино] – крупнейший русский поэт и прозаик XX столетия, художник глубокого духовного напряжения, живущий большими культурными интересами. Он впустил в свои книги мир со всеми его обыденными реалиями, с его радостями и печальями, впустил и запечатлел на веки саму жизнь. Вслушаемся в его разговор с нами:

Я под Москвою эту зиму,
Но в стужу, снег и буревал
Всегда, когда необходимо,
По делу в городе бывал. <...>
Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России

Неповторимые черты («На ранних поездах», 1941). [1: С. 35]

Мысль о взыскательной требовательности художника к своей миссии на земле в концентрированной форме выражена в статье Пастернак «Несколько положений» (1918): «...Книга есть кусок горячей, дымящейся совести – и больше ничего... Без нее духовный род не имел бы продолжения. Он перевелся бы. (...) Единственное, что в нашей власти, это суметь не исказить голоса жизни, звучащего в нас... Книга – живое существо. Она в памяти и в полном рассудке: картины и сцены – это то, что она вынесла из прошлого, запомнила и не согласна забыть ...»

Еще на заре поэтической деятельности Б. Пастернака замечательную и верную оценку его поэзии дал О. Э. Мандельштам: «Стихи Пастернака почитать – горло прочистить, дыхание укрепить... У нас сейчас нет более здоровой поэзии. <...> У Пастернака синтаксис убежденного собеседника, который горячо и взволнованно что-то доказывает». [3: С. 208]

Поэтические сборники поэта: «Близнец в тучах» (1914); «Поверх барьеров» (1916); «Сестра моя – жизнь» (1922); «Темы и вариации» (1923); «Второе рождение» (1934); «На ранних поездах» (1944); «Стихи о войне» (1941–1944); «Стихотворения Юрия Живаго» (1946–1953); «Когда разгуляется» (1956) и др.

Книга «Сестра моя – жизнь» является лирическим отражением обновляющейся сути революции, связанных с нею надежд, жизнерадостного мироощущения поэта. В стихах книги мастерски зримо передаются чистые краски природы, состояние души лирического героя, вызванное теми или иными определенными событиями, социальными катаклизмами, природными явлениями и процессами. В переживаниях лирического героя, в состоянии его души история предстает живым и конкретным временем.

Книга «Сестра моя – жизнь» имеет подзаголовок, эпиграф, предваряется посвящением М. Ю. Лермонтову. Подзаголовок книги – «Лето 1917 года» передает особую напряженность состояния души лирического героя, вызванную временем перемен в традиционно сложившемся укладе жизни. Это состояние передается через эпитеты «ужасный», «плачущий»; через образы «бурелома и хаоса», «огромного сада», «нахлыни», облившей сирень – «чтоб не пахла», ветра, «ломавшегося в жизнь», «гипнотической отчизны» (стихотворения «Плачущий сад», «Зеркало»). Эпиграфом к книге взяты строки из стихотворения «Dein Bild» австрийского поэта-романтика Ленау: «Бушует лес, по небу пробегают грозовые тучи, тогда

в движении бури я рисую, девочка, твои черты». Эпиграф глубже проясняет смысл целого ряда образов книги. Так, одно из центральных стихотворений книги называется «Девочка», к нему в качестве эпиграфа предпосланы лермонтовские строчки – «Ночевала тучка золотая / На груди утеса – великана»:

Из сада, с качелей, с бухты-барахты
Вбегают ветка в трюмо!
Огромная, близкая, с каплей смарагда
На кончике кисти прямой.
Сад застлан, пропал за ее беспорядком,
а бьющей в лицо кутерьмой.
Родная, громадная, с сад, а характером —
Сестра! Второе трюмо! [2: С. 116]

«Вещная символика» (термин В. Жирмунского) передает внутреннее состояние лирического героя, его любовь и нежность к возлюбленной – «девочке», к природе, к ветке, которую он называет сестрой. Природа, сама жизнь в стихотворениях циклов книги («Попытка душу разлучить», «Возвращение», «Елене», «В послесловье») помогают лирическому герою преодолеть тоску, апатию, все наносное, что гнетет душу и мешает жить в гармонии с естественным ритмом природы.

Мотив дождя, являющийся центральным в книге «Сестра моя – жизнь», встречающийся в ряде стихотворений, символизирует возрождение, любовь. Пастернаковский «весенний дождь» побуждает аналогии с библейским образом живой воды из «Откровения Святого Иоанна Богослова». «Живая вода», «живые источники вод» в Евангелии символизируют «все новое»: «...и отрет Бог всякую слезу с очей их». (Глава 3/17)

В цикле выражена вся боль поэта за несовершенство жизни («нашу родину буря сожгла»; «вселенная – место глухое»). Мотивы «бури», «хаоса», «болезни», разрабатываемые в книге, включают ее в контекст художественного мира Пастернака. В романе «Доктор Живаго» образ родины, сожженной бурей, перерастет в развернутую метафору: «С России сорвало крышу». Мотив «болезни земли», соотнесенный с мотивом «высокой болезни» в одноименной поэме, говорит о муках, страданиях земли в периоды социальных катаклизмов:

Вот и ливень. Блеск водобоязни,
Вихрь, обрывки бешеной слюны.
Но откуда? С тучи, с поля, с Клязьмы
Или с сардонической сосны? («Болезни земли») [2: С. 136]

Лирический герой в стихотворениях Б. Пастернака чувствует свое единство с миром, поэт и мир максимально приближены, составляют единое целое. Грозовые тучи, кусты

благоухающей сирени, птицы – все волнует сердце, радует глаз, питает душу, ласкает слух. Ощущение поглощенности миром, властной силой жизни в природе выражено в знаменитых пастернаковских стихотворениях «Стрижи», «Девочка», «Ландыши», «Сирень», «Гроза», «Дождь. Надпись на „Книге степи“ и др.

Человек и природа, человек и мир птиц, растений – эта тема волнует Б.Пастернака в пространстве всего творчества. Гроза, ливни, дождь – часто повторяющиеся мотивы в лирике поэта, но это не только явления природы, это еще чувства, переживания лирического героя. Пастернаковская поэзия близка пейзажной и философской лирике Ф. И. Тютчева, М. Ю. Лермонтова. Не случайно книгу «Сестра моя – жизнь» поэт посвящает Лермонтову, а первое стихотворение называется «Памяти Демона».

Природные образы в поэзии Пастернака ассоциативными связями соотносятся с жизнью человека, взаимоотношениями людей. Его стихотворения пропитаны духом современности. Используя ассоциативность, поэт выстраивает внутреннюю логику взаимодействия между явлениями на основе их сходства, смежности или контраста. Большую смысловую нагрузку несет в поэзии Пастернака поэтическая деталь. Она включает в себе «образ мира, в слове явленный», подчас недоступный пониманию, скрытый от поверхностного взгляда. И задача художника – уловить и передать скрытый смысл жизни, «расколдовать вселенную» («Трава и камни», «Все наденут сегодня пальто», «Вокзал» и др.)

Своеобразие большинства стихотворений Пастернака определяется решением глобальных философских, мировоззренческих вопросов. Мысль о единстве человека с природой, о слиянии с Вселенной представляет пастернаковскую концепцию жизни. «Природа всю жизнь была его единственной полноправной Музой, его тайной собеседницей, его Невестой и Возлюбленной, его Женой и Вдовой – она была ему тем же, чем была Россия Блоку. Он остался ей верен до конца, и она по-царски наградила его», – справедливо отметит Анна Ахматова о слитности поэта с миром в своих размышлениях о поэтах-современниках. [5: С. 204] Уже в ранних стихотворениях Пастернака процесс творчества символизируется в образе птицы – орла, поднявшего поэта на небо, подобно Ганимеду, похищенному Зевсом на Олимп.

Я рос. Меня, как Ганимеда,

Несли ненастья, сны несли.

Как крылья, отрастали беды

И отделяли от земли. (...) [2: С. 52]

Цикл «Заняты философией» книги «Сестра моя – жизнь» состоит из медитативных стихотворений с однотипными заголовками: «Определение поэзии», «Определение души», «Определение творчества». В контексте этих стихотворений, искусство – вечно, оно отражает жизнь с ее многоголосьем, с ее вековыми моральными ценностями:

Это – круто налившийся свист,

Это – щелканье сдавленных льдинок,

Это – ночь, леденящая лист,

Это – двух соловьев поединок... («Определение поэзии») [2: С. 134]

Боль поэта за несовершенство жизни, выраженные метафорически в мотивах, словосочетаниях («боль», «хаос», «болезнь», «буря», «нашу родину буря сожгла»; «вселенная – место глухое»), разрабатываемые в цикле, включают ее в контекст художественного мира Пастернака и в контекст серебряного века русской поэзии.

Книга «Сестра моя – жизнь», напечатанная в 1922 году, восторженно встреченная критиками различных направлений, завоевала самую широкую популярность автору, упрочив его славу как ведущего поэта. Такое мнение упрочилось, когда через год вышла книга «Темы и вариации». Б. Пастернак занимает позицию бескомпромиссного художника, которую неизменно отстаивает в годы угроз, гнета и террора. В стихотворении 1931 года, посвященном Б. Пильняку (репрессированному и расстрелянному в 1937 году за «Повесть непогашенной луны»), Б. Пастернак даст точное определение места художника в тоталитарном обществе:

Напрасно в дни великого совета,

Где высшей страсти отданы места,

Оставлена вакансия поэта:

Она опасна, если не пуста. («Борису Пильняку») [2: С. 236]

После выхода в свет книги «Сестра моя – жизнь» (1922) влияние Б. Пастернака на творческую молодежь стало огромным. Валерий Брюсов в статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» (1922) отметит популярность Пастернака: «Стихи Пастернака удостоились чести, не выпадавшей стихотворным произведениям (исключая те, что запрещались царской цензурой) приблизительно с эпохи Пушкина: они распространялись в списках. Молодые поэты знали наизусть стихи Б. Пастернака, еще нигде не появившиеся в печати, и ему подражали полнее, чем Маяковскому, потому что пытались схватить самую сущность его поэзии».

Поэзия Б. Пастернака свойственна интеллектуальная напряженность, сложная метафоричность:

Природа, мир, тайник вселенной,

Я службу долгую твою,

Объятый дрожью сокровенной,

В слезах от счастья отстою. («Когда разгуляется», 1956) [1: С. 86]

Книга «Когда разгуляется» стала серьезным шагом в творческом развитии Б. Пастернака, в создании им общественно активной поэзии. Ее главные темы – человек и время, человек и природа, художник и назначение искусства. Вопрос о времени соотносится поэтом с собственными взглядами на мир, с представлениями о жизни, смерти и бессмертии. Художник,

по Пастернаку, тесно связан со своим временем, но он – и представитель вечности, поскольку через творчество достигает бессмертия. В стихотворении «Ночь» (1956), отражающем идеи французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери об ответственности человека за все происходящее на «планете людей», Пастернак говорит о преодолении времени и смерти как задачи художника. Поэт уподобляется в стихотворении летчику, поднявшемуся над землей, как звезда, обзоревающему небосвод и чувствующему ответственность за мировую жизнь.

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой,
Как летчик, как звезда. [1: С. 96]

Композиция книги, начиная с заглавия и эпиграфа, также подчинена раскрытию проблемы времени, о вечных непреложных ценностях в жизни человека. Так, первое стихотворение «Во всем мне хочется дойти...» (1956), открывающее поэтический сборник, раскрывает творческий замысел, задачу автора, фокусирует в себе творческое кредо художника, концепт художника:

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте [1: С. 72]

В стихотворении заложены основные мотивы и образы всей книги: дороги, сенокоса, грозы, искусства как отражения жизни, осмысливается образ польского композитора Фридерика Шопена (Frédéric Chopin, 1810–1849) как художника, вложившего в свои этюды, пережившие время, «живое чудо парков, рощ, могил».

Важную роль в композиционном построении книги играет ее единственный цикл «Ветер (Четыре отрывка о Блоке)», раскрывающий роль художника в мире. Для Б. Пастернака Александр Александрович Блок – живое воплощение идеала художника, способного распознавать дисгармонию:

Прославленный не по программе
И вечный вне школ и систем,
Он не изготовлен руками
И нам не навязан никем. («Кому быть живым и хвалимым») ... [1: С. 98]

В пастернаковском цикле нашли отражение сквозные образы Блока – ветра, кровавой зари, ставшие определяющими и в знаменитой поэме «Двенадцать» (январь 1918), в статье 1919 года «Крушение гуманизма».

Блок на небе видел разводы.

Ему предвещал небосклон

Большую грозу, непогоду,

Великую бурю, циклон. («Зловещ горизонт и прекрасен», 1956). [1: С. 100]

В сборнике «Когда разгуляется» нет единого сюжета, как это наблюдается в поэтической книге «Сестра моя – жизнь», но все стихотворения связаны глубокими ассоциативными связями, идеей призвания художника улавливать музыку, исходящую из «мирового оркестра» (фраза Блока), распознавать дисгармонию, созидать «новую жизнь», преодолевать хаос времени и смерти.

О вере в будущее, в возрождение говорит и расположение стихотворений, посвященных природному циклу, который начинается с описания весны («Весна в лесу»), затем следуют стихотворения о лете, осени, зиме («По грибы», «Стога», «Осенний лес», «Золотая осень», «Снег идет», «Зимние праздники»); цикл завершается описанием «солнцеворота», олицетворяющего возрождение («Все сбылось», «Единственные дни», «За поворотом»). Здесь пейзажная лирика, как это свойственно пастернаковской манере, приобретает жизненно-философское содержание:

На протяженьи многих зим

Я помню дни солнцеворота,

И каждый был неповторим

И повторялся вновь без счета. <...>

И дольше века длится день,

И не кончается объятье («Единственные дни», 1959)...[1: С. 130]

Лирический герой книги, переживший «вакханалии», «шкурное время» («Душа»), время, когда «пробиться друг к другу никому не дано» («Вакханалии») выражает и авторский опыт, и опыт «вселенского человека», верящего в то, что «Силу подлости и злобы / Одолеет дух добра». («Нобелевская премия», 1959). ...[1: С. 128]

Значительными событиями в развитии Пастернака-художника стали его поэмы «Высокая болезнь» (1923, 1928), «Девятьсот пятый год» (1925–1926), «Лейтенант Шмидт» (1926, 1927), «Спекторский» (1925–1930). При всем различии этих произведений, их объединяет сквозной мотив – размышления поэта о времени и о себе, о смысле человеческой жизни, о роли художника в гармонизации мира и человека. Пастернак приходит к эпическому осмыслению революции, к художественному решению сложнейшей проблемы – «личность и судьбы народные». Свое эпическое обращение «от лирического мышления к эпике» Б. Пастернак объяснит тем, что «эпос внушен временем».

Размышляя в поэме «Высокая болезнь» (1923, 1928) об участии интеллигенции в эпоху социальных потрясений, Б. Пастернак ставит вопрос о возможности управлять судьбами

других, переделывать жизнь:

Я думал о происхождении

Века связующих тягот.

Предвестьем льгот приходит гений

И гнетом мстит за свой уход. ... [1: С. 280]

В годы Великой Отечественной войны Б. Пастернак выезжал в качестве военного корреспондента на фронт, создал цикл стихотворений о бесстрашии и единстве советских людей. («Стихи о войне»). Война оказала большое влияние на его поэзию. Чувство духовной близости с судьбой народа, страны, обретенное в годы войны, сказалось на углублении философского содержания лирики, усилении ее гражданского звучания, расширении связей с современностью, освобождении от чрезмерной субъективности образов. В стихотворении «Весна» (1944) выражены раздумья поэта о судьбах людей Европы, освобожденных от фашизма, эти раздумья перерастают в воспевание мира, творчества, созидания:

Все нынешней весной особое.

Живее воробьев шумиха.

Я даже выразить не пробую,

Как на душе светло и тихо.

Иначе думается, пишется,

И громкою октавой в хоре

Земной могучий голос слышится

Освобожденных территорий. [1: С. 71]

Рубеж 1940-х годов разделяет два периода творческого пути Б. Пастернака. Его послевоенным стихам чужды туманность содержания, нарочитая, подчас, усложненность, отстраненность поэтических образов. Цикл «Когда разгуляется» был серьезным шагом в творческом развитии Пастернака. Поэт пришел к классически строгому по мысли и форме стиху. Пейзажная лирика в таких стихотворениях, как «Дорога», «Трава и камни», «Когда разгуляется» приобрела жизненно философское содержание.

Стихотворения, входящие в «Стихотворения Юрия Живаго» – «Гамлет», «Март», «На страстной», «Август», «Рождественская звезда», «Магдалина» и др. – выделяются особым мастерством, простотой средств и ясностью передачи мысли:

Стояла зима.

Дул ветер из степи.

И холодно было младенцу в вертепе

На склоне холма.

Его согревало дыханье вола.

Домашние звери

Стояли в пещере,

Над яслями теплая дымка плыл. («Рождественская звезда», 1947) [6: С. 469]

Поэзия Б. Пастернака – это размышления о таинстве любви, о жизни и смерти, о чуде человеческого общения. Она переполнена светлой любовью к людям, светом. Особое место занимают стихи, посвященные чувству к женщине:

О, женщина, твой вид и взгляд

Ничуть меня в тупик не ставят.

Ты вся – как горла перехват,

Когда его волнение сдавит. («Ева», 1956)...[1: С. 76]

В биографическом очерке «Люди и положения» (1956, 1957) Б.Пастернак пишет: «Моя постоянная забота обращена была на содержание, моей постоянной мечтою было, чтобы само стихотворение нечто содержало, чтобы оно содержало новую мысль или новую картину». Мысль о слитности поэта с народом, о взыскательной требовательности выражена в стихотворении «Быть знаменитым некрасиво» (1956).

Цель творчества – самоотдача,

А не шумиха, не успех.

Позорно, ничего не знача

Быть притчей на устах у всех. (...)

И должен ни единой долькой

Не отступаться от лица,

Но быть живым, живым и только

Живым и только до конца. ...[1: С. 74]

Творческий путь Б.Пастернака характеризуется предельной взыскательностью поэта к искусству. Каждый поэтический его сборник, каждый цикл стихотворений знаменуют этапы его творческого пути, духовной, творческой эволюции, «...новый, резко разграниченный раздел стихов». Н.Вильмонт в книге «О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли»(1989) верно определит эстетическое кредо писателя как «самоистребительную диалектику души».

Как завершающий подвиг в жизненной и творческой судьбе Б. Пастернака можно рассматривать созданный в 1946–1956 гг. роман «Доктор Живаго», который принес писателю всемирное признание. Осенью 1958 года Б. Пастернаку была присуждена Нобелевская

премия – «за выдающиеся достижения в современной лирической поэзии и продолжение традиций великой русской прозы». В России роман «Доктор Живаго» был опубликован только в 1988 году, почти через тридцать лет после смерти его автора. 10 стихотворений под названием «Стихи из романа в прозе «Доктор Живаго» с авторским предисловием были опубликованы в апрельском номере журнала «Знамя» в 1954 г.

О популярности и актуальности поэзии Б. Л. Пастернака, его прозы, романа «Доктор Живаго», об интересе к его творчеству в целом говорит интерес к экранизации его произведений. В 1965 г. по роману «Доктор Живаго» режиссером Дэвидом Лином был снят художественный фильм *Doctor Zhivago* (Италия-США). Музыка написал французский композитор Морис Жарр. Образ Живаго исполнил американский актер Омар Шериф. В 2006 г. роман был экранизирован на Родине писателя режиссером Владимиром Владимировичем Бортко, роль Живаго сыграл талантливый актер Олег Меньшиков. Роман «Доктор Живаго» был написан Б. Пастернаком в послевоенное десятилетие и стал итогом творческих поисков писателя в области художественной прозы. «Я весь мир заставил плакать над судьбой страны моей...», - написал о своей книге автор.

Мажорный аккорд звучит в поэтической части романа, в стихотворениях «Земля», «Рождественская звезда», «Рассвет»:

Со мною люди без имен,

Деревья, дети, домоседы.

Я ими всеми побежден,

И только в том моя победа. («Рассвет», 1947) ...[6: С. 472, 4]

References

1. Pasternak B.L. *Sobraniye sochineniy* [Collection of poems]. Book 2 out of 5, 1931-1959; Translations / Editorial board: A.Voznesenskiy, D.Likhachyov, D.Mamleyev, others; composed and commented by E.Pasternak and K.Polivanova, 1989 – 703 pages.
2. Pasternak B.L. *Sobraniye sochineniy* [Collection of poems]. Book 1 out of 5, 1931-1959; Poems / Editorial Board: A.Voznesenskiy, D.Likhachyov, D.Mamleyev, others; introductory article by D.Likhachyov; composed and commented by E.Pasternak and K.Polivanova, 1989 – 751 pages.
3. Mandelstam O.E. *Zametki o poezii* [Notes about poetry] // Mandelstam O.E. *Portraits of poetic heritage*. – М.: Centre -100, 1995.
4. Pasternak B.L. *Okhrannaya gramota* [Security certificate] // Pasternak B.L. *Vozdushnie puti. Proza raznikh lyet* [Air ways. Prose of various years]. / Composed, prepared by E.V.Pasternak and E.B.Pasternak. – М., 1982.
5. Akhmatova A.A. *Razmishleniya o poyetakh-sovryemyennikh* [Reflections on contemporary poets] // Akhmatova A.A. *Collection of works in 2 books* – М., 1987, book 2.
6. Pasternak B.L. *Izbranniye sochineniya* [Selected works]. – Composed and commented by E.V. Pasternak. – М.: “Rip-pol Classic,” - 1998. – 864 pages, “Immortal Library” series.
7. Zhigalova O.V., Serafimova V.D. Science textbook for foreign students of senior courses of higher educational institutions “Self-destroying dialectics of the soul” based on the novel by Boris Pasternak “Doctor Zhivago”. – Alma-ATA: KAZPTI, 1991. 87 p. (On materials of the report at the international scientific conference in Prague, devoted to the 100th anniversary from the birthday of the writer (1990).

Information about the authors

Serafimova Vera Dmitrievna – candidate of Philological Science, docent of Russian Literature Department of Moscow State Pedagogical University, Member of the Union of Writers of Russia. Author of monographs “A. Platonov, and philosophical and aesthetic pursuits of Russian literature of the twentieth century” (V. Shukshin, V. Rasputin, L. Borodin); “Poetics of the prose of L. I. Borodin: Dialogue with the cultural space”; one of the authors of the Collective monograph “The Work of V. G. Rasputin in socio-cultural and aesthetic context of the era.”
E-mail: serafimova@yandex.ru

О ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ РОССИИ

THE PROBLEMS OF RUSSIAN LANGUAGE MENTALITY

Abstract

Strengthening the research of areas and nationalities, languages and cultures, which are related to “the Silk Road Economic Belt,” is the basic research of implementing the Silk Road Economic Belt construction. In order to avoid cultural conflicts, it is necessary for us to study the problems of Russian language mentality. The term “mentality” appears more and more frequently in the Russian social and science literature, but the commonly accepted definition has not been formed. In this paper, the origins, definitions and differences of the above concepts are analyzed. The research method of this phenomenon is specially clarified. From the perspective of inter-discipline, “mentality” is respected because of this theory and practice value. This problem is related to national identity. Specific metaphysical and circular ways of thinking proposed by Florensky and heterophony (one of the earliest forms of polyphony), this is Russian language mentality. Florensky is always criticizing the Western concept of “mind” and emphasizes the need for holistic knowledge of the living world. In our opinion, Florensky clearly showed that “circular thinking” is a form of heterophony. With the help of this own system of metaphysics, Florensky has convincingly summarized the views about the Russian mentality. We believe that his ideas can be seen as the main study of Russian language mentality.

Keywords: the Silk Road Economic Belt. mentality, definition, cultural conflict, research method, Florensky, heterophony, Specific metaphysical and circular ways of thinking, polyphony, the Western concept of “mind”

Си Цзиньпин во время одного из своих последних выступлений сказал, что при строительстве «одного пояса, одного пути» необходимо браться за значимые проекты и бороться за то, чтобы они как можно раньше принесли плоды. Придерживаясь курса на экономическое сотрудничество и взаимодействие между государствами в области культуры и гуманитарных дисциплин, необходимо развивать взаимоотношения между Китаем и соседними странами в области образования, туризма, искусства и т. п., и выводить их на новый уровень.

Перечень стран и регионов «одного пояса, одного пути» является открытым, а разные исследователи имеют непохожие взгляды на его состав. В данном проекте могут участвовать как те страны, которые находятся на сухопутном и морском «шелковых путях», так и остальные дружественные Китаю государства. Приоритетом обладают государства Средней, Южной и Юго-Восточной Азии и Россия, а страны среднего Востока и восточной

Африки составляют периферию «одного пояса, одного пути». Что касается Европы, стран СНГ и ряда стран Африки, они могут присоединиться к проекту в долгосрочной перспективе. Если существовавший в древности и средневековье Шелковый путь приносил в основном торговую выгоду, то сфера сотрудничества сегодняшнего проекта «одного пояса, одного пути», призванного объединить вышеназванные страны, является гораздо более широкой. Приоритетные направления сотрудничества, которые должны принести первые плоды, могут быть сосредоточены как в области создания общей инфраструктуры и благоприятных условий для торговли и инвестиций, так и в сфере отраслевого взаимодействия и, в частности, в гуманитарной сфере и в сфере личных контактов. Разнообразные проекты в названных сферах взаимодействия будут направлены на достижение роста экономики и деловых взаимоотношений, которые будут обеспечены политическим взаимодоверием, геополитическим соседством и экономической взаимодополняемостью Китая и сопредельных государств. Целью данных проектов в разных сферах сотрудничества являются свободное товарообращение, политический диалог, дружба народов, достижение взаимовыгоды и совместное развитие. Концепция «один пояс, один путь» базируется на экономическом сотрудничестве и опирается на взаимодействие в гуманитарной сфере. «Один пояс, один путь» выведет сотрудничество между районами пан-Азии и Евразии на новую ступень и создаст в регионе наиболее открытую сеть экономического сотрудничества в мире.

На наш взгляд, усиление исследований вышеназванных регионов и входящих в них стран, их языков и культур — это первоначальное условие осуществления строительства «экономического пояса шелкового пути». Если опираться только на поверхностное знание языков, пренебрегая углубленным изучением культуры и обычаев входящих в это объединение государств, невозможно избежать культурных конфликтов и значительных неблагоприятных последствий. Проблема определения сущности русского языкового менталитета представляет собой первоочередную нелегкую задачу, которая должна быть решена путем нашего исследования языков и культур.

Последующее изложение представляет собой обзор проекта, выдвинутого нами в рамках Фонда программы 211 «Описание русского языкового менталитета».

Такие термины, как менталитет/ментальность, появляются в научной и социологической литературе на русском языке все чаще, однако до сих пор не существует их общепринятого определения. Мы даем следующие дефиниции: [1] субъектом менталитета являются национальное сообщество и его представители (индивидуумы); [2] менталитет является национально-специфической системой репрезентации; [3] различные аспекты менталитета могут быть как сознательными, так и подсознательными; [4] для формирования ментальности нужны определенные исторические и социальные условия, особые обстоятельства и т.д.; [5] менталитет включает в себя такие элементы: жизненные стереотипы, идейные тенденции; ценности, нормы, склонности, мораль; способ восприятия мира, наивная картина мира и т.д.; [6] внутренняя структура этих элементов обычно представляется противоречивой; [7] вышеприведенные аспекты выражаются в моделях поведения, в специфическом проявлении эмоций и переживаний, в когнитивных аспектах, в языке, интеллекте, сознании, мышлении объекта и т.д.

По нашему мнению, определение русской ментальности может быть получено путем анализа релевантных классических текстов и поиска механизма его формирования и соответствующих языковых репрезентаций. Хотя существует достаточное множество конкурирующих дефиниций русской языковой ментальности, наши материалы для исследования хорошо отражают соответствующие языковые репрезентации.

После введения категорий христианского мышления в духовный мир Древней Руси произошло изменение мировоззренческих установок, обусловленное сменой политеизма монотеизмом. В число таких категорий вошло противопоставление души и материи, Бога и дьявола. Непримируемая борьба этих начал предопределяла древнерусские моральные устои. Вышеназванная идея, являющаяся центральной для мысли Древнего Руси, выражается не только в виде понятийных категорий, но и в искусстве, и формирует специфику ментальности древней Руси.

Если говорить о лингвистической стороне, синтаксис древнерусского языка, наблюдаемый в фольклорных произведениях, является характерным для устной речи. Бессоюзная и сочинительная связь преобладают над подчинительной. Подобная специфика удобна для конкретного описания, а не для абстрактного изложения. Для изложения требуется определенное количество предложений с подчинительной связью. Другая разновидность древнерусского языка, письменный церковнославянский, имеет своеобразную структуру и обладает очевидной стилистической окраской. Эти тексты в данный период тяготеют к выразительной торжественности, обладают тенденцией к религиозной и морально-нравственной проблематике.

В эпоху Просвещения Россия начинает опираться на «человечность, науку и просвещение». Российский гуманизм даже пропагандирует преимущество нравственности перед разумом. В конце XVIII - начале XIX века появляется мнение, что слова являются настоящим пропагандистским оружием, хорошо подходят для политико-идеологической борьбы. Оно безусловно заслуживает внимания и в целом совпадает с просветительским и преобразовательским духом той эпохи.

Влиятельные писатели и мыслители XIX века также затрагивали вопросы о языковой ментальности в нашем понимании. Чаадаев ставил достижения культуры выше христианства, что и является ключом понимания его критики в адрес России. Чаадаев согласуется в своем мнении с эпохой. Подобное мнение характерно для российского радикализма. Одоевский делал акцент на «целостности познания». Его критика в адрес Запада и «синтез, соединяющий все», проложили путь славянофильству в 40-е годы XIX века. В произведении «Русские ночи» Одоевского были сознательно выбраны такие средства, как диалог и текст в тексте, выразившие его основную идею. Хомяков выдвинул принцип «соборности» и идеализировал православие, противопоставляя его западным религиям. Хомяков надеялся, что православие может привести все системы культур к преобразованию через Россию. Хомяков первым отождествил западное христианство со всей системой рационализма. Идеи Киреевского также являются ключом для понимания своеобразия русской ментальности. Философия жизни, сформулированная Белинским, представляет собой обобщение его размышлений о

специфике России. Белинский и выдвинул исследовательский метод, который заключается в понимании культуры исходя из ключевых слов, например, он анализировал «тоску», «пьянство» и т. д. Все это оказало далеко идущее влияние на последующие исследования в области лингвокультурологии. Идеи и характер Герцена представляются особенно важными и многомерными. Употребляемый Герценом стиль мозаичной литературы совпадает со спецификой его идей и характера. Форма и содержание, языковая сторона произведений Достоевского и их многозначная логика, как показывают, в частности, исследования Бахтина и Гаспарова, обнаруживают между собой гармонические отношения. Достоевский противостоял двузначной логике «разума», открыл логику существования антиномии, обнаружил, что язык, мышление и культура тесно связаны. Все это и привело к формированию в творчестве Достоевского диалогического слова и полифонического романа. Противостоящий структурализму Гаспаров поддерживает появление теории экзистенциальной лингвистики прагматического и когнитивного направлений. Логика и внутренние связи в рамках данного направления как естественны, так и целесообразны. «Соединение и перевод четырех евангелий» Толстого показывает, что, хотя у Толстого не могло быть никакого представления о постконструктивизме, он использовал такие тактики, как так называемые (в наше время) «деконструкция» и «тематический анализ». Можно рассматривать Толстого как предтечу «деконструкции» в России.

Мы считаем, что ключевым ученым, излагавшим вопрос о языковой ментальности в XX веке, является Флоренский. Флоренский впервые выдвинул концепцию «гетерофонии», которое напоминает теорию полифонии Бахтина. Бахтин выдвинул теорию полифонии, когда он заострил внимание на творчестве Достоевского. Концепция «целостного познания», выдвинутая Флоренским, напоминает некоторые сходные теоретические построения русских мыслителей прошлого. Например, Одоевский в его образцовом произведении «Русские ночи» делал акцент на «целостности познания», которая близка по духу Герцену и имела влияние на славянофильство, творчество Достоевского, мыслителей и писателей XX века. В XXI веке В. Шаров, через метафору и мифологизацию и в форме эссе, откликается на размышления и основные идеи своих предшественников.

Основные точки зрения

После принятия Древней Русью христианства значительное место начинает занимать идея индивидуальной морали и индивидуальной ответственности. Синтаксис древнерусского языка удобен для (конкретного) описания, а не для (абстрактного) изложения. Релевантные тексты в период Древней Руси стремятся к выразительной речи, обладают тенденцией к публицистике и полны пафоса. Это открыло такие установки, что русская языковая ментальность подчеркивает мораль, отвергает абстракцию и высоко ценит жизнь. В эпоху Просвещения Россия начинает опираться на «человечность, науку и просвещение». Российский гуманизм даже пропагандирует преимущество нравственности перед разумом. В конце XVIII - начале XIX века появляется мнение, что слова являются настоящим пропагандистским оружием, хорошо подходят для политико-идеологической борьбы. Оно безусловно заслуживает внимания и в целом совпадает с просветительским и преобразовательским духом той эпохи.

Влиятельные писатели и мыслители XIX века также затрагивали вопросы о языковой ментальности в нашем понимании. Чаадаев ставил достижения культуры выше христианства, что и является ключом понимания его критики в адрес России. Чаадаев согласуется в своем мнении с эпохой. Подобное мнение характерно для российского радикализма. Одоевский делал акцент на «целостности познания». Его критика в адрес Запада и «синтез, соединяющий все», проложили путь славянофильству в 40-е годы XIX века. В произведении «Русские ночи» Одоевского были сознательно выбраны такие средства, как диалог и текст в тексте, вызвавшие его основную идею. Хомяков выдвинул принцип «соборности» и идеализировал православие, противопоставляя его западным религиям. Хомяков надеялся, что православие может привести все системы культур к преобразованию через Россию. Хомяков первым отождествил западное христианство со всей системой рационализма. Идеи Киреевского также являются ключом для понимания своеобразия русской ментальности. Философия жизни, сформулированная Белинским, представляет собой обобщение его размышлений о специфике России. Белинский и выдвинул исследовательский метод, который заключается в понимании культуры исходя из ключевых слов. Все это оказало далеко идущее влияние на последующие исследования в области лингвокультурологии. Идеи и характер Герцена представляются особенно важными и многомерными. Употребляемый Герценом стиль мозаичной литературы совпадает со спецификой его идей и характера. Форма и содержание, языковая сторона произведений Достоевского и их многозначная логика, как показывают, в частности, исследования Бахтина и Гаспарова, обнаруживают между собой гармонические отношения. Достоевский противостоял двужанровой логике «разума», открыл логику существования антиномии, обнаружил, что язык, мышление и культура тесно связаны. Все это и привело к формированию в творчестве Достоевского диалогического слова и полифонического романа. Противостоящий структурализму Гаспаров поддерживает появление теории экзистенциальной лингвистики прагматического и когнитивного направлений. Логика и внутренние связи в рамках данного направления как естественны, так и целесообразны. «Соединение и перевод четырех евангелий» Толстого показывает, что, хотя у Толстого не могло быть никакого представления о постконструктивизме, он использовал такие тактики, как так называемые (в наше время) «деконструкция» и «тематический анализ». Можно рассматривать Толстого как предтечу «деконструкции» в России.

Конкретный метафизический и круговой способы мышления, предложенные Флоренским, а также гетерофония (одна из ранних форм полифонии), это и есть русская языковая ментальность. Флоренский все время критикует западное понятие «разума» и подчеркивает необходимость целостного познания живого мира. На наш взгляд, Флоренский ясно показал, что «круговой способ мышления» является одной из разновидностей гетерофонии. С помощью своей собственной системы метафизики, отраженной в эпистолярном жанре, Флоренский убедительно обобщил представления о русском менталитете. Мы считаем, что его концепцию можно рассматривать как ценный вклад в изучение русской языковой ментальности.

Материалы для исследования

Материалом для исследования нам послужили релевантные тексты о языковой

ментальности, написанные русскими писателями и мыслителями. Они прошли проверку времени, сохранили свое значение до сих пор и выразили определенные особенности жизни и представлений русских о мире. Они представляют собой подходящие материалы для исследования ментальности, непосредственно относящиеся к данной теме. В центре нашего внимания — размышления русских писателей и мыслителей о специфике русской ментальности и соответствующие способы выражения их позиций.

Методы исследования

Мы исследуем русскую ментальность в историческом аспекте методом анализа текста. Анализ текста включает в себя анализ грамматики, семантики, прагматики, когнитивистики и т.д. Тематический анализ представляет собой один из способов исследования постструктурализмом художественных текстов и любых символических объектов. Путем анализа текста можно выявить основные воззрения и способы выражения воззрений русских писателей и мыслителей о русской ментальности.

Научная новизна

Понятие «менталитет» является важным для современной лингвокультурологии, причем полностью оно не изучено. Мы анализируем релевантные классические тексты, обобщаем представления о специфике русского менталитета и обосновываем свои взгляды с опорой на языковой материал. Отличие нашего исследования от работ ученых-предшественников, в особенности от Колесова, заключается в том, что мы придерживаемся хронологического порядка рассмотрения источников, анализируем классические тексты, содержащие необходимую информацию о русской ментальности, вплоть до информации о русской культуре XXI века.

Некоторые материалы исследованы в соответствующей области в Китае еще в недостаточной степени, прежде всего тексты древнерусского периода и эпохи Просвещения. Еще более актуальным представляется наше толкование дневников Флоренского, которое должно стать первым в китайской науке.

Наши методы исследования — соединение методов прагматики, когнитивистики, концептуального анализа лингвокультурологии, тематического анализа постмодернизма и т.д., все это актуальные в наше время научные методы.

Полученные выводы и новые утверждения, которые были сделаны нами на основе анализа материала, уже в определенном степени признаны.

Научная ценность

1. Наша работа способствует углубленному исследованию регионов и государств, относящихся к «Экономическому поясу Шелкового пути», а также помогает лучшему пониманию философии культуры.

2. Данное исследование вносит вклад в развитие лингвокультурологии, оно помогает нам узнать источники некоторых важных тезисов таких теорий, как антропоцентрическая лингвистика, когнитивная лингвистика, этнопсихолингвистика, межкультурная

коммуникация, в том числе проблемы концептов, концептуального анализа и прагматической философии. Данные проблемы рассматриваются при анализе представлений Белинского.

3. Наше исследование помогает определить специфику и способы выражения русской языковой ментальности, рассмотренные через призму таких подходов, как конкретный метафизический и круговой способы мышления и «гетерофония», предложенные Флоренским.

References

1. Yang Mingtian (2009) Comparative analyze of concepts. Shanghai Translation Publishing House.
2. Yang Mingtian (2004) Cognitive study of Russian. Shanghai Foreign Language Education Press.
3. Yang Mingtian (2002) Pragmatic study of subjective modality in Russian. Shanghai Foreign Language Education Press.
4. Yang Mingtian (2012) Herz's Thinking, Personality and Mosaic Style. Academic Journal of Russian Studies. No4. 53-63.
5. Yang Mingtian (2012) Review of Kireyevsky's Thinking, Vestnik, выпуск 13. Dept. of Rus. Lang. & Lit. PCCU, 311-334.
6. Yang Mingtian (2013) FLORENSKY'S CIRCULAR THINKING AND HETEROPHONY: SPECIFIC METAPHYSICS FROM CONCENTRATION CAMPS, The study of Russian language, literature, culture and history of Russia, Gen. No.23, 71-97.
7. Discussion with L. N. Tolstoy: About the translation of several verses taken by Tolstoy in "Union and translation of the Four Gospels". Russian language and literature in the space of world culture, 13th Congress of MAPRYAL, 13-20 September 2015 in Granada (Spain), 190-194.
8. Kolesov V. V. (2004) Language and mentality. SPb.
9. Rudnev V. (2001) Encyclopedic dictionary of culture XX century: key concepts and texts.

Information about the author:

*Yang Mingtian (Shanghai, China) — Dr., Professor, doctoral supervisor, Shanghai International Studies University, School of Russian and Eurasian Studies, E-mail: 1660@shisu.edu.cn
Tel: +8613917860327*

Peshkova Natalia Petrovna
Bashkir State University

**LANGUAGE CONSCIOUSNESS INVESTIGATION BASED ON
MODELLING COMPREHENSION OF DIFFERENT TEXT-TYPES**

Abstract

The paper considers some advantages of the experimental “counter-text” or “internal text” method based on the “text psycholinguistics” principles. Text comprehension models discussed in the article have been developed by the author in collaboration with the team of young researchers from the Bashkir State University using the approach founded by Professor A.I. Novikov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences). Science texts and popular scientific literature, fiction and the Bible are used as an object of comprehension in the experimental work. The local models constructed on the basis of different text-types form integral parts of the interactive text comprehension model which is an open system to be further developed and improved.

The experimental data obtained at different stages of the research based on the “internal text” method present interest from the viewpoint of both sociolinguistics and culture studies providing us with the information concerning language consciousness peculiarities of the Russian youth belonging to a poly-ethnic region, and, in particular, the cultural values of Bashkortostan student society.

Keywords: text psycholinguistics, ‘counter-text’/‘internal text’ method, text comprehension strategies, language consciousness, cultural values

Introduction

The present research was stimulated by a series of articles of a sociological nature devoted to the socio-cultural characteristics of the young Russian generation living in mono-ethnic regions of the central part of the Russian Federation [1], [18].

The problem was that there could be observed an evident disagreement between the conclusions based on sociological polling published in Russian journals of sociology and the psycholinguistic experimental data obtained by the author of the present paper in collaboration with the team of young researchers from the Bashkir State University.

The purpose of the research presented in this article is to analyze the experimental psycholinguistic data we have obtained by means of the ‘counter-text’ method from the viewpoint of sociolinguistics and cultural studies to contribute to solving the problem of revealing some characteristics of the language consciousness of the young generation belonging to a poly-ethnic region.

Theoretical principles and practical advantages of the ‘counter-text’ method

We should emphasize the fact that sociological opinion polling in the form of direct questions registers answers (in verbal form) which reflect actively changing instrumental values (close to the material necessities of life) lying on the surface of our consciousness. As for the opinion of psychologists on the problem, they usually note that direct verbal questionnaires may result in quite inadequate presentation of values held by a person because of some verbal taboos and other barriers [8].

The ‘barriers’ mentioned may be associated with the young people’s claims to look ‘cool’, to be in line with the values of the Internet community, popular films, etc. Such feelings dictate direct answers, which do not reflect real personal values but are often closely connected to reflexive value ideas and notions, even declarative and pretentious statements. Psycholinguistic instruments of penetration into individual language consciousness, such as associative experiments and the ‘counter-text’ (‘internal text’) method, make it possible to investigate not only the surface structures but some deep layers of a person’s consciousness.

It should be mentioned that our first challenge was to investigate the process of text comprehension with the purpose of building an interactive model of comprehension based on the ideas developed by Professor A. Novikov (the former Head of the Applied Linguistics Department of the Moscow Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences) and his followers within the paradigm called by its founder as ‘text psycholinguistics’. According to this theory information perception and text comprehension is an on-line process of generating internal text or ‘counter-text’ in a recipient’s mind as a response to an original text that plays the role of stimulus [10], [12].

Suggested by N. Zhinkin and developed by A. Novikov, the ‘counter-text’ or ‘internal text’ hypothesis is based on the idea of the active recipient. In the process of text comprehension a recipient’s consciousness is not just a screen for content projection. An addressee is an active constructor generating some individual internal “counter-text” [11, p. 177]. Recipients generate their associations, express personal attitudes and opinions, evaluate the information emotionally and logically. The approach known in the Russian linguistics as “text psycholinguistics” is associated with ‘the Novikov school’ [17] to which a team of young researchers working in collaboration with the author of this paper belong. So it is worth dwelling on Professor Novikov’s ‘text and sense’ theory and his ideas of written text comprehension. According to Novikov, in the process of comprehension the verbal form of the text is being decoded, it is acquiring its content and sense while interacting with the recipient’s consciousness, and as a result of this interaction the text sense being formed is an intellectual (not verbal) phenomenon [10, p. 31].

In the process of text comprehension an essential role is played by the factor known as anticipation; some possible situation based on the recipient’s previous experience and knowledge is anticipated and forecasted [12, p.187]. Text recipients are directed by so-called encyclopaedic knowledge, the individual scheme of knowledge concerning the world, personal practical experience and besides by their psychological and physiological peculiarities, by their age, sex, etc. All these factors affect perception mechanisms, which could be considered, alternately, as comprehension strategies.

While perceiving text information a recipient is actually carrying on an internal dialogue with the text, more exactly with its author, and simultaneously he (she) is dialoguing with himself (herself) as well. In this process recipients turn to their previous knowledge and experience, to their individual memory and at the same time to the information just taken from the text, to personal associations and associations typical of the social group they belong. All these factors, accompanied by feelings, emotions and evaluations, form the grounds for the internal text, the essence of which is made up by the emotion and sense dominant. A. Novikov compared the latter with the physiological dominant introduced by A. Ukhtomsky [op.cit.].

We should emphasize the fact that the advantage of the ‘internal text’ method based on the principles suggested by Novikov and developed later by his followers is in making a comprehension process that is unobservable directly to some extent explicit due to the specific procedure technique used by the researcher. While perceiving a written text our recipients register their personal reactions themselves in written form, thereby revealing to a certain extent the mechanisms and strategies of text comprehension. An experimenter gets an opportunity of studying deep mental processes generated in the recipient’s mind by analyzing a set of verbal reactions. These reactions demonstrate how a recipient is reconstructing an initial hypothetical situation perceived by him after reading the first sentence into the final situation related to the text meaning and sense.

In short, the procedure technique of the ‘counter-text’ method is as follows. The participants of our experiments are usually given the task of reading a source-text sentence by sentence without running ahead and of writing ‘everything that crosses their minds’ in connection with this particular sentence. Thus, they should register in a written form all the associations, emotions, evaluations, visual images, ideas, conclusions, recollections, etc., that are caused either by a sentence or a part of it (a phrase, a word, etc.). To put it another way, a sentence plays the role of a stimulus to which a recipient gives a response without any restrictions.

We should also mention that twenty-five reaction types have been discovered and described by now. Professor A. Novikov revealed fifteen reactions studying literature and scientific technical texts as an object of comprehension [op.cit.]. Other types of recipients’ responses were revealed by us while investigating comprehension strategies of popular-science texts [13], biblical texts [2] and fashion journals [9], special texts of social and cultural content [15].

The so-called ‘relative reactions’ associated mostly with the sense of the text (opposite to its content) are of special interest to the present investigation as they demonstrate a recipient’s attitude to the information interpreted and are expressed verbally in such forms as evaluations, opinions, judgment, etc. The total number of such reaction-types amounts to 40%-60 % depending on the text-types perceived by recipients.

We should emphasize the fact that the experimental data obtained at different stages of our research by means of the ‘counter-text’ method are of interest from the viewpoint of both sociolinguistics and cultural studies. The experimental data provide us with some facts concerning regional characteristics of the language consciousness of young Russians and, in particular, the basic cultural values of Bashkortostan students.

On the one hand, our experimental data demonstrate that verbal reactions forming the ‘internal text’

registered by recipients themselves participating in our experiments, first of all, reveal text-comprehension mechanisms underlying more general laws of understanding and comprehension strategies. Much attention was given to text-comprehension modeling and text-comprehension strategies in a number of well-known studies. Special interest to us present the researches conducted by T.A. van Dijk, W. Kintsch and J. Keenan, W. Kintsch and P. Mangalath etc. [3], [4],[5],[6] [7].

On the other hand, the data obtained by our experiments give us some information concerning “authors” of the ‘counter-texts’, and, in particular, their social position, social-group membership, national and cultural characteristics. Even the verbal form of the reactions can by itself be quite revealing. For example, some of the responses are marked by slang used either by young people and students or by some professional groups, which also signals information about the recipients’ social groups and positions.

Theoretical and experimental results obtained by the ‘internal-text’ method

While modeling language consciousness with the help of the ‘internal text’ method, we should be aware of the fact that the text-type chosen to research is one of the most significant factors that could provoke the demonstration of the specific national and cultural character of recipients’ language consciousness, as in the case of responding to biblical texts; or, on the contrary, it could neutralize similar demonstrations, as scientific texts do [14].

The reaction-type is another important factor to investigate in this respect. Some of the reactions are, so to say, quite evident information carriers. These reaction-types are direct manifestations of recipients’ basic values, ideals and cultural priorities – among them ‘opinion’, ‘evaluation’, ‘association’ (of any kind) and ‘inter-text’ (that is citation of well-known literature, proverbs and sayings or reference to some popular films, etc.). In these reactions the participants in our experiments often address the Bible, the Koran, popular and classic literature, and Russian and Bashkir fairy tales. As for the reactions of ‘generalization’, ‘interpretation’, ‘visualization’, they can also contain some relevant information but usually implicitly compared with the reactions mentioned above [15].

Some examples of similar reactions from our experimental data revealing characteristics of language consciousness and reflecting basic cultural values will be given below translated into the English language. A sentence from a source text used as an object of comprehension is given first followed then by a recipient’s response. (“R.”= recipient). The examples are taken from the experiments described and analyzed in [2], [14], [15].

In the researches mentioned above the participants read and interpreted passages from the Bible: about Adam and Eve [2], and the Fall [14]. The texts were taken from the ‘Bible for family and school’ edited by archpriest Seraphim Slobodskoy (1987), as one of the most popular editions adapted to the younger generation.

One hundred and forty students, from the age group 18 to 20 years old, studying at the physical, mathematical and chemical departments of the Bashkir State University, took part in the experiments. In respect of the parameter ‘a language bearer’, the audience can be described as mixed. Besides, half of the participants are characterized as bilingual. They can speak both languages of our region fluently, Russian and Bashkir; in some cases it is Russian and Tatar. For Bashkir and

Tatar young people, as they usually admit, Russian is their second native language [16, p. 347]. As for Russian students, it should be mentioned that they are typically mono-lingual.

We followed the original ‘counter-text’ method procedure, which means that all the sentences of the source-texts are enumerated; the recipients register their reactions themselves in written form; a recipient’s response number corresponds to the number of the sentence from the source-text. As a result of all the stages of the experiments the investigators have collected and analyzed 23,660 reactions.

We can state that every ‘internal text’ generated by the recipients of the biblical text contains reactions which express directly or indirectly their opinions, evaluations, judgments concerning Good and Evil, Love, Family values, etc. We should also note that while some sentences from the source-text actually provoke such reactions because they mention the names of Adam and Eve or include such words as ‘man’, ‘husband’, ‘woman’, others cause similar reactions implicitly.

Bellow we consider some responses which reflect the recipients’ attitude to family, bonds of love, etc.

“The man said, ‘This is now bone of my bones and flesh of my flesh; she shall be called ‘woman,’ for she was taken out of man. That is why a man leaves his father and mother and is united to his wife, and they become one flesh”.

R. 1. The first people, the LORD God created them, a man and a woman: she was made of his rib, not of his leg, lest she should be humiliated (humbled), not of his head, lest she should be superior, but of his rib, to be side by side with him, to be protected by him, and of left rib, I think, close to his heart, to be loved by him.

R. 2. Good people, they lived as a good family, without troubles and problems, without poverty. But our proverb says ‘When you are with your darling a poor hut seems to be the Eden to you!’

R. 3. It is love between a man and a woman that makes you heavenly happy. But you can always find somebody who will envy your happiness.

As we can see most of the reactions demonstrate directly the value of love and family for the participants of the experiments.

We cannot but admit the fact that in evaluating family relations most of our respondents demonstrate an inclination towards patriarchal views, revealing a tendency towards traditional gender notions about a strong and clever man and a weak woman. We can give some examples to support the above statement concerning the patriarchal mood of this part of our experimental audience.

“When the woman saw that the fruit of the tree was good for food and pleasing to the eye, and also desirable for gaining wisdom, she took some and ate it. She also gave some to her husband, who was with her, and he ate it.”

R. 1. And what about her husband?! And our old wisdom – a wife follows her husband like a thread follows a needle!

R. 2. And he was keeping silence? He should have objected!

R. 3. He should be wiser and more reserved, he is her defender! He must prevent her from getting into trouble and making wrong decisions. He should tell her ‘No!’

R. 4. It means that all the time Eve was with her husband?! I wonder what he was looking at all the time?!!

R. 5. A weak and silly woman she is.

R. 6. So, a silly girl believed the serpent.

R. 7. A good husband makes a good wife – as the proverb says. (Word-for-word translation of this Russian saying is as follows. ‘A husband is the same devil as his wife is’.)

It should be said that these opinions and evaluations reflect some eternal traditional gender relations of the three ethnic groups – Bashkir, Tatar and Russian – to which most of our experiment participants belong.

There is one important factor of influence we’d like to emphasize in connection with our recipients’ language consciousness characteristics. The joint and cooperative life of the above three ethnic groups within one and the same territory over a long period of time makes for the process of interference and interpenetration of a number of national and cultural characteristics of language consciousness from one group into another. Under the conditions of sharing life space for several centuries the interference process contributes to forming some characteristics common to the verbal consciousness of the young representatives of these three ethnic groups despite all the national and cultural differences.

Here we can refer to the regional investigation carried out by E. Salikhova, where the researcher gives some typical examples of bilingual self-identification. Most of her Bashkir respondents say that Bashkir is their first native language, but Russian is an integral part of their social life and their second native language too [16, p. 347].

As for native speakers of the Russian language, most of them speak neither Bashkir nor Tatar because of the absence of any practical necessity. Yet, as our experiments show, their verbal consciousness is actually influenced by some basic cultural values of the neighboring ethnic groups, especially under the conditions of mixed marriage, quite typical of our region. In any case, the conditions of life in a poly-ethnic region make them more tolerant and sympathetic to those with whom they are sharing their life space.

Some examples given below illustrate the respondents’ attitudes towards Good and Evil, their tolerance and sympathy to those at fault or even to breakers of the Law. At the same time we can observe responses demonstrating obedience to the Law and the wish to observe God’s Commandments.

“And the LORD God said, ‘The man has now become like one of us, knowing good and evil. He must not be allowed to reach out his hand and take also from the tree of life and eat, and live forever.’ So the LORD God banished him from the Garden of Eden to work the ground from which he had been taken”.

R. 1. So, sin is disobedience, it is evil. They have broken the LORD God's Law.

R. 2. People disobeyed the LORD God, they made the first sin.

R. 3. All people are sinners. There's no ideal human.

R. 4. There is no such a tree and there are no its fruit in our life. But there are some moral principles. There are the Bible Commandments – we cannot kill, steal, tell a lie and commit adultery.

R. 5. Poor people! I think they didn't mean any harm.

R. 6. They disobeyed like silly babies. I'm sorry for them!

R. 7. I think, a sin is something bad. To sin means to steal, to kill, to betray. The Koran also condemns it.

We should also note here that for Moslems obedience is positively associated with respect for the elder generation and it is reflected much more in modern Bashkir and Tatar cultural traditions compared with the Russian ones.

In the recipients' responses we can see some references to the Koran, though in the latter, as we know, there is no idea of sin as it is formulated in the Christian culture. Some of our respondents try to compare the moral principles of modern life with the Bible's commandments and the Koran's content, associating them with Good and opposing them to Evil.

Finally, we would like to give some responses evaluating Eve's action.

“Then the LORD God said to the woman, ‘What is this you have done?’ The woman said, ‘The serpent deceived me, and I ate’”.

R. 1. Eve is not to blame. She is just curious, it is so typical to a woman!

R. 2. Poor dear Eve! Perhaps she wished she made it better! She didn't mean any harm.

R. 3. I'm so sorry for Eve! There's such a burden over her!

R. 4. It was not only Eve who couldn't resist the temptation. I don't condemn her.

R. 5. It is so easy to judge now! But what would you do if you were in her place?!

As we can observe, some of our respondents try to imagine themselves being in Eve's place to realize the dramatic atmosphere of the situation, practically, nobody condemn her action. There are also no commentaries of religious content, though about 20% of the experiment participants positioned themselves as Orthodox Christians. Most of the recipients' evaluations and opinions demonstrate sympathy for Eve's weakness and tolerance to her fault.

Conclusions

Thus, summing up we come to the following conclusions. First, the 'counter-text' or 'internal text' method has proved to be a good instrument to reveal the peculiarities and characteristics of language consciousness from the viewpoints of both psycholinguistics and sociolinguistics. The method has provided us with information obtained implicitly, which could be considered as more

reliable because data in the form of answers to direct questions would result in some deviations in reflecting personal values due to definite verbal taboos and cultural barriers.

Second, the verbal responses forming the ‘counter-text’ generated by the young recipients of the biblical texts, students of the Bashkir State University, residents of a typical poly-ethnic region of Russia, have shown that in the process of reading and interpreting the information our young respondents are turning both to their own personal experience and to the traditional cultural values of the ethnic group to which they belong as reflected in literature and different forms of national proverbs and sayings. Thereby they demonstrate some stability in the general values that form the basis of the archetypal values of the national mentality.

Third, we should like to argue that, as far as we can judge by our research compared to a number of sociological investigations carried out in our country [1]; [18], the young generation of a poly-ethnic region can be characterized as less aggressive, more tolerant and politically correct with regard to the ‘different’ and to the ‘alien’, compared to the young people in mono-ethnic regions. The experimental data obtained enable us to state that most of the representatives of the young generation belonging to the poly-ethnic region of Bashkortostan share such values as family, love, tolerance and sympathy for the weak. We think that our investigation contributes to the so-called language consciousness ‘collective portrait’ of a young person born and living all his life in a poly-ethnic environment.

References

1. Chelombitskaya M.P., Lavinsky N.G. (2011) Tzennostnyye oriyentiry sovremennogo obsh'yestva [Value priorities of modern society] *Molodoj uchyonyj* [The Young Researcher]. № 12, 198-201.
2. Davletova Ya. A. (2012) Psikholingvisticheskoye issledovanie osobennostej ponimaniya bibleiskikh tekstov [Psycholinguistic Investigation of Comprehension of the Bible Texts]. *Avtoreferat dissertatzii...kand. philol. nauk* [Abstract of Candidate Dissertation]. Ufa: Bashkir State University, 19.
3. Dijk T.A. van, Kintsch W. (1983) *Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press, 427.
4. Dijk T.A. van (1995) On Macrostructures, Mental Models and Other Inventions: A brief Personal History of the Kintsch–van Dijk Theory // *Discourse Comprehension: Essay in Honor of Walter Kintsch*. Hove, UK, 383-410.
5. Kintsch W. (1998) *Comprehension: A Paradigm for Cognition*. Cambridge: Cambridge University Press, 405.
6. Kintsch W. (2004) The Construction-Integration Model of Text Comprehension and its Implications for Instruction // *Theoretical Models and Processes of Reading*. 5th Edition, International Reading Association. R. Ruddell & N. Unrau (Eds.), 1270–1328.
7. Kintsch W., Mangalath P. (2011) The Construction of Meaning // *Topics in Cognitive Science*, 3, 346-370.
8. Leont'yev D.A. (1998) Tzennostnyye predstavleniya v individual'nom i gruppovom soznaniy: vidy, determinaty i izmeneniya vo vremeny [Value Notions in Individual and Group Consciousness: Types, Determinants and Changes with the Time] *Psikhologicheskoye obozreniye* [Psychological Review]. № 1, 13-25.
9. Moiseyeva A.V. (2012) Kharakteristiki teksta glyantzevogo zhurnala: Psikholingvisticheskij aspekt [Glamour Journal Texts Characteristics: Psycholinguistic Aspect] *Kommunikativnyj i kognitivnyj aspekty diskursivnoj deyatelnosti. Materialy mezhdunarodnoj konferenzii* [Cognitive and Communicative Aspects of Discourse Activities. Proceedings of the International Conference]. Ufa: Bashkir State University, 52-55).
10. Novikov A.I. (1983) *Semantika teksta i yeyo formalizatsiya* [Text Semantics and its Formalisation]. Moscow: Nauka, 215.

11. Novikov A.I. (2002) Dominantnost' i transpozitsiya v protsesse osmysleniya teksta [Dominant and Transposition in the Process of Text Comprehension] *Problemy Prikladnoj Lingvistiki* [Problems of Applied Linguistics]. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 155-180.
12. Novikov A.I. (2003) Tekst i "kontr-tekst": dve storony protzessa ponimaniya [Text and "Counter-Text": Two Aspects of Comprehension Process] *Voprosy Psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. № 1. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 64-76.
13. Peshkova N.P. Avakyan, A.A., Kirsanova I.V., Rybka I.N. (2010) Tekst i yego ponimaniye: teoretiko-eksperimental'noye issledovaniye v rusle integrativnogo podkhoda [Text and its Comprehension: Theoretical and Experimental Research within the Integrative Approach]. Ufa: Bashkir State University, 268.
14. Peshkova N.P. (2012) Regional'nyye osobennosti yazykovogo soznaniya rossijskoj molodyozhi [Regional Aspects of Russian Youth Language Consciousness] *Voprosy Psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. № 2. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 8-19.
15. Peshkova N.P. (2015) Sotzial'nyj kontekst obsh'yechelovecheskikh tzennostej v yazykovom soznaniyi molodyozhi polietnicheskogo regiona [Social Context of Common Human Values in the Verbal Consciousness of Youth in Poly-Ethnic Region] *Voprosy Psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. № 2 (24). Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 98-106.
16. Salikhova E.A. (2012) Spetsifika etnoyazykovogo soznaniya sovremennykh bashkir [Specificity of Ethnic Language Consciousness of the Bashkirs] *Zhizn' yazyka v kul'ture i sotziумыe. Materialy 3-ij mezhdunarodnoj konferentsii* [Language Life in Culture and Society. Proceedings of the Third International Conference]. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 345-349.
17. Vasil'yeva N.V. (2004) Problemy prikladnoj lingvistiki-2. Vvedeniye. [Problems of Applied Linguistics-2. Introduction]. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 3-7.
18. Yakhimovich Z.P. (2010) Tzennostnyye oriyentiry transformiruyush'yegosya mirovogo soobsh'yestva [Value Priorities in the Transforming World Society] *Tzennostnyye oriyentiry i priorityety v transformiruyush'yemysya mire* [Value Tendencies and Priorities in a Transforming World]. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 9-29.

Information about the author

Natalia P. Peshkova, Bashkir State University, Russia, Ufa
Head of Foreign Languages Department for Natural Science Faculties
Professor, Doctor of Philology
Personal Phones: +7 917 46 69 652; +7 (347) 273-30-91
Personal e-mail address: peshkovanp@rambler.ru
University Phones:
+7 (347) 272-63-70; +7 (347) 229-96-16;
+7 (347) 229-96-69 (Foreign Languages Department)
University e-mail address: rector@bsu.bashedu.ru

Theory and Methodology of Bilingual and Multilingual Education

UDC 1751

*Prof. Zeinep Zhumatayeva, Nazarbayev University
PhD stud. Meruyert Seitova, Hacettepe University*

REFLECTION OF METAPHORS IN FACE2FACE, NEW HEADWAY AND INSIDE OUT (ADVANCED) COURSE BOOKS

Abstract

Recent developments in cognitive linguistics have highlighted the importance as well as ubiquity of metaphor in language. Metaphor is a means of expressing one thing in terms of something else. It provides us with a means of understanding the way language works, from the most common phrases to the most complex linguistic theory. Indeed much current linguistic theory ascribes to metaphor the organizing principle behind all communication.

In this paper, we classified metaphors from Face2Face, New Headway, and Inside Out (Advanced) coursebooks according to Newmark's typology of metaphors. Newmark identified six types of metaphors, which are dead, cliché, stock, recent, adapted, and original. And the examples of metaphors taken from the above mentioned coursebooks were arranged in consonance with these types of metaphors. In other words, we defined metaphors and revealed their types. The discussion will look into the way of using metaphors in the coursebooks in terms of comparison.

Keywords: coursebooks, metaphor, dead metaphors, cliché metaphors, stock metaphors, recent metaphors, adapted metaphors, original metaphors, ELT.

Introduction

Metaphorical language is a continuously discussed subject. It is apparent in everyday language, such as newspapers and on TV, not just randomly, but quite extensively. We use metaphors unconsciously all the time, when we think and when we talk.

Metaphor is a huge area of research that covers everything from single words like *reflect* or *hit*, to more emotive phrasal constellations such as *fall head over heels for someone* or *the world is your oyster*. Interestingly enough, the acquiring of longer metaphorical phrases does not necessarily mean they are harder to acquire than the single word metaphors. Just on their own like they are presented here, an acquiring may seem easy, but incorporated in a text of some sort, one may suddenly realize there is more than one option.

Thus, the huge amount of research done to metaphors from linguistic point of view. And among the theorists, Peter Newmark (1988) has done quite an extensive research on metaphorical language and his views and ideas on the subject will be applied in the present study. The study was based on Newmark's typology of metaphors because he discusses a number of functions of metaphor to define something more closely, decoration to show resemblance, to create emotive effect,

and lastly as a ‘basic element of language where it later becomes dead or literal language’.

Review of literature

Coursebooks

Coursebooks have been well discussed by many researchers. In EFL contexts, coursebooks make up one of the major sources of language exposure for English learners (Dudley-Evans & St. John, 2000). They provide the core materials for a language learning course and should include work on grammar, vocabulary, pronunciation, functions and the skills of reading, writing, listening and speaking (Tomlinson, 2011). A large number of experts and educators claim that there are obvious advantages of using course book in all means. Hutchinson and Torres (1994) argue that during periods of change, a course book can serve as a tool for supporting teachers and as an instrument of modification and alteration. In brief, a course book provides teachers and learners with a structure of teaching and learning, methodological support and usage of language. The coursebooks are the main tools of learning and teaching the language. And metaphor is inevitable domain of language. Thus, this study investigates the extent to which metaphors are used in the ELT coursebooks and compared among three coursebooks.

Metaphor

To examine language materials from the perspectives of coursebook has become modern. Metaphors in coursebooks are used as a method to teach something at a deeper level. It helps the author to illustrate a point in the language of every day, the language of vernacular. We all understand what ‘I just can’t help myself’ means, when we explain phenomenon in figures and symbols. We succeed in getting sense of metaphors because the most frequently used metaphors are taught in coursebooks. And another reason that metaphors are important to be used in coursebooks is that metaphors are part of cultural consciousness, formed over the course of time. What can be delivered from this, outside the classroom, the real world demands that language users are in some way culturally competent to an equal degree that they are linguistically competent and perhaps that one (language) cannot exist without the other (culture) and that this reality should therefore be mirrored in language teaching material produced for the classroom context.

Thus, researchers have come to consider metaphors to be not only research object but also a research tool. The interest in metaphor within linguistics emerged after the publication of *Metaphors We Live By* (Lakoff and Johnson 1980) in which it is claimed that metaphors are fundamental to the structuring of our thought and language, and that we frequently use the concepts and texts from one semantic area to think and talk about other areas. Two levels of metaphors are distinguished: conceptual metaphors and linguistic metaphors. The term ‘conceptual metaphor’ is used to refer to a connection between two semantic areas at the level of thought, such as the metaphorical connection that seems to exist between anger and fire for speakers of many languages (Lakoff 1987). When conceptual metaphors are referred to in writing, they are usually represented in upper case, for example, ANGER IS HEAT. Linguistic metaphors are the spoken or written realizations of a conceptual metaphor. In the case of ANGER IS HEAT, examples of linguistic metaphors include ‘I grew hot under the collar’ and ‘She’s got a fiery temper’.

Metaphors, referring to the idea that one entity stands for another, in a different situational context shape much of our experience of the world, usually, they vary in their power, familiarity and role in the process of making and transmitting meaning (Taylor, 2008).

“Metaphors may be didactic or illustrative devices, models or paradigms or root images that generate new models. Some metaphors are heuristic, whereas others constitute new meaning” (Klein, 1990).

Viewed as an aspect of speech and writing, metaphor carries concepts and is essential to language and the communication of abstract thoughts. According to Lakoff and Johnson (2003), metaphors are seen as the key to giving an adequate account of our understanding and expounding the world around us. In other words, metaphors serve the function to facilitate the understanding of the conceptual domains. Basically, language is active, generative and dynamic in the construction of understanding about reality, and that’s why we come to understand the world through a process of “mental constructions” (Orteny,1989). Within this constructivist paradigm metaphors are significant, not only as a literal descriptions of reality, but also as a means of making sense of our concrete experience of the world and of explaining abstract concepts and theories. Rather than merely a rhetorical flourish, Lakoff and Johnson (2003) suggest metaphor as fundamental to our processes of meaning making.

“Metaphor is pervasive in everyday life, not just in language, but in thought and action. Our ordinary conceptual system, in terms of which we both think and act, is fundamentally metaphorical in nature”. As Crick mentioned, “the concept of learning power and learning how to learn must be understood and contextualized as part of a complex system in which the development of a learning identity, personal power and competencies for managing ourselves in the post-mechanical age are as important as the acquisition of knowledge.” Therefore, the participants’ metaphors might be considered as the power to enhance learning.

In short, the ubiquity use of metaphors suggests that it forms a core element of scaffolding in a reflective and embodied way, which means that the learner has encoded the language learning experience in ways that connect directly to their personal and unique contexts or environment, their individual experience, attitudes and feelings (Crick & Grushka,2009). The metaphor thus connects to the learners’ real-life world, embodied through the collective experience of particular places and times to form “bridges” to develop learner identity of L2 self. Types of metaphors in Newmark.

Newmark proposes a typology of metaphors, which can be presented as follows:

Dead

Cliché

Stock

Recent

Adapted

Original

Dead metaphors ‘metaphors where one is hardly conscious of the image, frequently relate

to universal terms of space and time, the main part of the body, general ecological features and the main human activities: for English, words such as ‘space’, ‘field’, ‘line’, ‘top’, ‘bottom’, ‘foot’, ‘mouth’, ‘arm’, ‘circle’, ‘drop’, ‘fall’, ‘rise’ (Newmark, 1988).

Cliche metaphors ‘metaphors that have perhaps temporarily outlived their usefulness, that are used as a substitute for clear thought, often emotively, but without corresponding to the facts of the matter. For example, apple of my eye, have food for thought and turn the corner, etc.

Take the passage ‘The County school will in effect become not a backwater, but a break through in educational development which will set trends for the future. In this its traditional will help and may well become a jewel in the crown of the county’s education.’ This is an extract from a specious editorial...’ (Newmark, 1988).

Stock metaphors ‘an established metaphor which in an informal context is an efficient and concise method of covering a physical and/or mental situation both referentially and pragmatically- a stock metaphor has a certain emotional warmth- and which is not deadened by overuse.’

Recent metaphors ‘a metaphorical neologism, often ‘anonymously’ coined, which has spread rapidly in the SL. [...] it may be a metaphor designating one of a number of ‘prototypical’ qualities that constantly ‘renew’ themselves in language, e.g. fashionable, good, without money’ (Newmark, 1988)

Adapted metaphors ‘metaphors which involve an adaptation of an existing (stock) metaphor.’ Newmark gives the example ‘the ball is a little in their court’.

Original metaphors ‘metaphors which are non-lexicalized and non-adapted’ (Newmark, 1988). The example above ‘The past is another country’ is an example of original metaphor.

The study

The Face2Face Advanced coursebook from Cambridge University Press is a C1 level resource that is designed to develop an understanding of authentic language and provide the strategies and skills for independent learning. The student’s book contains 30 lessons in 10 thematically linked units and also includes review sections, as well as a focus on writing. In addition, each unit is preceded by a preview section, allowing students to test themselves some aspects of grammar that are presented in the following unit. Supplementary activities, audio scripts, and a really clear language summary section of vocabulary and grammar cross-reference the material nicely. The language content is clearly shown at the beginning of each unit and correlates with the Common European Framework of Reference for Languages (CEFR).

New Headway Advanced from Oxford University Press is the world’s best – selling English course – a perfectly-balanced syllabus with a strong grammar focus, and full support at advanced level. Constant updates mean the material is always current, and with a huge range of components available. Inside out Advanced from Macmillan is a classroom tested English course designed to develop real life communicative skills and powers of self-expression. Inside Out provides a thoroughly enjoyable and lively course for adults and young adults built around structured work

on grammar and lexis, planned speaking tasks and engaging writing and listening texts. The main grammar and language functions presented clearly and practiced through anecdote activities and personalization.

Methodology

Data Collection

45 identified metaphors were used as data for this paper. The metaphors were extracted from Face2Face Advanced, New Headway Advanced and Inside Out Advanced coursebooks.

Data Analysis

The identification of metaphors for this study was investigated in two main ways as listed below:

The identification of Metaphors

Categorization and Analysis of Metaphors

Method

The “Metaphor Identification Procedure” (MIP) was employed in the metaphor identification process. Once the metaphors are identified, the next step will be to classify each metaphor according to Newmark’s typology of metaphors.

Results and discussion

This section of the paper presents the findings and outcomes of the data analysis of this study.

Research Aim 1

To reveal the examples of metaphors in ‘Face2face (Advanced) Cambridge university press’, ‘New Headway (Advanced) Oxford University Press and Inside Out (Advanced) Macmillan.

Tables 1, 2 and 3 below demonstrate the presence of metaphors in all three coursebooks and metaphors were given in list with their meanings.

Table 1 Metaphors from Face2face Advanced

N	Metaphors	Meanings
1.	Grill someone	To ask a lot of questions
2.	To have a warm welcome	friendly and affectionate
3.	To crack under pressure	become very stressed because of work pressure
4.	Time flies	pass very quickly
5.	To freeze	stopped moving and became completely still
6.	To dawn on	To understand
7.	To be a bright lad	clever and quick to learn
8.	To be flooded with something	filled with large numbers or amounts
9.	To storm something	To attack

Table 2 Metaphors from New Headway Advanced

N	Metaphors	Meanings
1.	Must dash	must go
2.	Bitten off more than one can chew	give oneself more work than one can manage
3.	Tied up	very busy
4.	Sleepy	where not much happens
5.	Picked up	improved
6.	Tighten one's belts	make a lot of economies
7.	Keeping one's heads above water	just about coping
8.	Snowed under	have an awful lot of work to do
9.	Time flies	time goes so fast
10.	Slaving away	working extremely hard
11.	Great strides	very significant, and rapid progress
12.	To point the finger at	to put the blame on
13.	Have a few hiccups	have a few small problems
14.	Break one's heart	hurt someone very deeply
15.	Take one's breath away	to leave someone stunned and unable to speak
16.	Scare one for life	cause someone permanent psychological damage
17.	Came to me in a flash	it suddenly occurred to me
18.	Glowing with pride	visibly very, very proud
19.	Being overshadowed	appearing inferior in comparison to
20.	Stormy relationship	a relationship in which people row a lot
21.	Blazing rows	very angry rows with lots of shouting
22.	Blossomed	developed successfully
23.	In floods of tears	crying a lot, uncontrollably
24.	The root of	the fundamental cause of
25.	Haven't the foggiest idea	really don't know or understand
26.	Going round in circles	making no progress at all
27.	Followed in his father's footsteps	did what his father did (professionally)
28.	Rambling speech	long-winded and poorly planned speech
29.	Sparked one's interest	awakened one's interest

Table 3 Metaphors from Inside Out Advanced

N	Metaphors	Meanings
1.	Have a sit down	have a short rest or break
2.	A bite to eat	a snack or a light meal
3.	Something catches my eye	I have my attention drawn to something
4.	To live next door	to be neighbors

5.	Shout and rant	Complain angrily about something
6.	All sweetness and light	Smiling and happy
7.	Time flies	Time goes very fast

As shown in the results above, 9 metaphors were found from Face2Face Advanced, 29 metaphors from New Headway Advanced and 7 metaphors from Inside Out Advanced. The three coursebooks show remarkable differences both in total numbers of metaphors and in the clustering of metaphors in the six domains. However, there is the case of similarity between coursebooks, where the metaphor ‘time flies’ occurs in all three coursebooks. I think it is because of its frequently usage and being a dead metaphor.

The common trait of all metaphorical language is that it is figurative, i.e. has some kind of extended or transferred meaning- a secondary meaning (Alm-Aryius, 2003,p.9). It is a figurative way of speech and it could be referred to as non-literal language. According to Newmark (1988, p.106) any word can be a metaphor and to find out if it is, the primary meaning has to be matched against the linguistic and cultural context. For instance, consider the adjective in these two sentences (1) it was a dark and stormy night. (2) John and Marry had a stormy relationship. Clearly, the same word acquires different meanings depending on the context. In the first sentence the word ‘stormy’ is used in its direct meaning, stormy-affected by storm; but in the second example the word ‘stormy’ is used in its derivative meaning, stormy relationship-a relationship where people row a lot.

Research Aim 2

To investigate which type of metaphors used in the coursebooks according to Newmark’s typology of metaphors. Table 4 below depicts the number of each type of metaphor that were identified in the data.

Table 4 Type and number of metaphors in Face2face Advanced, New Headway Advanced, Inside Out Advanced

N	Types of metaphor	Face2face Advanced	New headway Advanced	Inside Out Advanced
1.	Dead metaphor	2	5	1
2.	Cliché metaphor	-	3	1
3.	Stock/standard metaphor	6	21	5
4.	Adapted metaphor	-	-	-
5.	Recent metaphor	1	-	-
6.	Original metaphor	-	-	-

Analysis reveals a large number of stock metaphors for all coursebooks compared to the other 5 types of metaphors. It is clear that the use of some types of metaphors in the coursebooks are limited.

Dead metaphors

The eight examples of dead metaphors have been identified from three coursebooks but the dead metaphor ‘time flies’ occurred in all three coursebooks. So, six examples of dead metaphors that

are going to be discussed in this section are all semantic. The examples are the following:

(1)Time flies, (2) freeze, (3) break one's heart, (4) sleepy, (5) the root of, (6)to live next door

In example (1) , the verb fly is used in its secondary meaning that is distinguishable from its basic, literal meaning, it is metaphorical (Alm Aryius, 2003,p.12).The main primary meaning of the verb fly is 'to move in or pass through the air with wings.' And it's metaphorical meaning 'to go very fast.'

In example (2), the verb freeze in its primary meaning means 'to become hardened into ice or into a solid body'; however its metaphorical meaning is 'to stop moving and become completely still'.

In example (3), break one's heart its metaphorical meaning has become so familiar over time that its literal meaning is forgotten. It is used in its meaning of 'to hurt someone very deeply'.

In example (4), the word sleepy means 'to be ready to sleep or drowsy' in its direct meaning, as well as its metaphorical meaning is calm.

In examples (5) and (6), the root of has its metaphorical meaning of fundamental cause of something, and to live next door is used in the meaning of to be neighbors. This shows that a simple word may not always be simple to understand. According to Newmark (1988) the problem is not finding the actual word in the target language, but to choose the most suitable one, since metaphors defy literal meaning and thus offer choices.

Cliché metaphors

Four cliché metaphors revealed from three coursebooks, are as follows:

Tied up, bicked up, Scare one for life, Something catches my eye

Tied up, its primary meaning is 'to bind, fasten, or attach with a cord, and its metaphorical meaning is 'to be very busy'.

Picked up, primary meaning is 'to choose or select from among a group', however its metaphorical meaning is 'improved'.

The verb 'scare' means 'to frighten', as in example 'scare one for life' means 'cause someone permanent psychological damage'.

The verb 'catch' means 'to capture', however as in example 'something catches my eye' its metaphorical meaning is 'I have my attention drawn to something'.

Cliché metaphors have similarities with dead metaphors, as well as with stock metaphors. Newmark (1988) tries to distinguish them by saying that clichés are usually made up by two types of stereotyped collocations; figurative adjective + literal noun or figurative verb + figurative noun. They are similar to dead metaphors in that they have been overused and very often, their secondary figurative meaning can be found in dictionaries.

Stock metaphors

Thirty two examples of stock metaphors have been identified in this study. They are: To have warm welcome, To crack under pressure, To dawn on, To be bright lad, To be flooded with something, To storm something, Must dash, Bitten off more than one can chew, Tighten one's belts,

Keeping one's heads above water, Snowed under, Slaving away, Great strides, To point the finger at, Have a few hiccups, Take one's breath away, Came to me in a flash, Glowing with pride, Being overshadowed, Blazing rows, Blossomed, In floods of tears, Haven't the foggiest idea, Going round in circles, Followed in his father's footsteps, Rambling speech, Sparked one's interest, A bit to eat, Shout and rant, All sweetness and light, Have a sit down,

Stock metaphors (or standard metaphors) are figures of language that are widely recognized as idioms, lexicalized phrasal metaphors that are established in the language (Dickins,2005, p.234). They are often culturally linked to the language and therefore they are specific to each language. Also, they have certain emotional warmth and are not, as opposed to most of the dead and cliché metaphors, deadened by overuse (Newmark,1988,p.108).

Recent metaphor

Recent metaphors can be best described as metaphorical neologisms. A neologism is a newly coined word or an existing word that has acquired a new meaning (Newmark, 1988, p.140). Consequently, a recent metaphor consists of a word or phrase with a metaphorical meaning that has recently been coined. Thus, only one example of recent metaphor has been identified in the study. It is 'to grill someone', it does not mean 'to cook someone', and its metaphorical meaning is 'to ask a lot of questions'.

Adapted and Original metaphors

Any examples of adapted and original metaphors have not been identified in the study. We argue that it is because original metaphors are a group of metaphors that are quoted or created by the writer and can occur mostly in fiction. In addition, the examples of metaphors in Face2Face were used in different contexts like in headings, in the text however, the authors of New Headway Advanced and Inside Out Advanced included metaphor in the units and prepared exercises to do.

Conclusion

The aim of this study was to identify metaphors from ELT coursebooks like, Face2Face Advanced, New Headway Advanced and Inside Out Advanced, as well as categorize the identified metaphors according to Newmark's typology of metaphors. By using Newmark's typology of metaphors, forty-five metaphors were picked out and divided into dead, cliché, stock, recent, adapted and original metaphors. The major theories that were applied in the study were the works of Lakoff and Johnson, and Newmark. Newmark has done most extensive research on metaphor. However, Lakoff and Johnson's study was the overall basis for metaphor research.

This paper deals with a pilot study of the extent to which metaphors are used in the ELT coursebooks. The large number examples in one or two types of metaphors (stock and dead) and the absence of any metaphor examples (adapted, original, recent) in more than one category indicate that the coursebooks teach only stock metaphors. And it is because stock metaphors have active authentic function in language and it is very important in teaching a language. Also the coursebook authors do not repeat the same metaphors in their work although the coursebooks' levels are the same.

Besides the different theories that this study was based on, metaphors play a very important role

in learning a language. Because when we learn the language, we learn words, and “words mean what the dictionary says they mean but, at the same time they mean something else” (Neubert, 1999, p.123). In short, the ubiquitous use of metaphor suggests that it forms a core element of scaffolding in a reflective and embodied way, which means that the learner has encoded the language learning experience in ways that connect directly to their personal and unique contexts or environment, their individual experience, attitudes and feelings (Crick & Grushka, 2009).

Although only a small number of metaphors were used as a data for this study, the findings had very interesting outcomes and caused some problems, which will be meaningful to further research. It would be interesting to extend this study to a qualitative research where all metaphors identified from the above mentioned coursebooks would be categorized according to Lakoff and Johnson’s metaphor types (structural, orientational, and ontological) and Newmark’s metaphor typology (dead, cliché, stock, recent, adapted and original) in terms of comparison.

References

1. Alm-Aryuis, Cristina (2003), *Figures of Speech*, Lund: Studentlitteratur.
2. Ceri, J., Russel, S. (2001). *Inside Out Advanced*, Macmillan.
3. Crick, R. D., & Grushka, K. (2009). Signs, Symbols and Metaphor: linking self with text in inquiry-based learning. *The Curriculum Journal*, 20(7), 447-464.
4. Dickins, James, Two Models for Metaphor Translation, Target, *International Journal of Translation Studies*, volume 17, issue 2, G. Toury, 2005, pp.227-273.
5. Dudley-Evans, T. & St John, M. J. (2000). *Developments in English for specific purposes: A multidisciplinary approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Hutchinson, T and Torres, E. (1994). *The Textbook as Agent of Change* *ELT journal* 48/4, Klein, J.T. (1990). *Interdisciplinary: history, theory and practice*. Detroit, Wayne State University, Lakoff, G., & Johnson, M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
7. Lakoff, G. & Johnson, M. (2003). *Metaphors we live by*. University of Chicago Press. Neubert, Albrecht, *Words and Texts – Which are translated? A study in Dialectics*, Word, text, translation, *Liber Amicorum for Peter Newmark*, G. Anderman & M. Rogers.
8. Newmark, P. (1988). *A textbook of translation*. London & New York: Prentice Hall.
9. Orteny, A. (1979). *Metaphor: A multidimensional problem*. In A. Orteny (Ed.), *Metaphor and thought*. London: Cambridge University Press.
10. Robinson, N., Warwick, L., Naylor, H., Stirling, J., Thaine, C., Cunningham, G., Bell, J. (2009). *Face2face Advanced*, Cambridge University Press Soars, J., Soars L., Falla, T. (2003). *New Headway Advanced* Oxford University Press Taylor, N. (2008). *Metaphor, discourse and identity in adult literacy policy*. *Literacy*, 42(3) Tomlinson, B. (2006). *Localizing the global: Matching materials to the context of learning*. In J. Mukundan (Ed.), *Readings on ELT materials II*. (pp. 1-16). Malaysia: Pearson Longman.

Information on authors

Prof. Zeinep Zhumatayeva,

Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan. zzhumatayeva@nu.edu.kz

PhD stud. Meruyert Seitova,

Hacettepe University, Ankara, Turkey. miko80@mail.ru

UDC 37.014.54:005.21

*Tamara V. Kuprina
Ural Federal University
Svetlana M. Minasyan
Armenian National Pedagogical
University after Kh. Abovyan*

ECONOMIC STRATEGIES IN INTERNATIONAL ACADEMIC MANAGEMENT

Abstract

The article discusses the new strategy of international academic management based on theoretical postulates of economic processes assessment. The subject of research is the organization of the educational process in the international student audience. The purpose of the research is to find strategies, tactics and style, providing dialogue training. The hypothesis of the research is that the correct determination of the components of linguistic and communicative management is increasing the quality of professionally-oriented education. The logic of the linguistic and communicative management strategy is the developing kind of training, as it prepares students for the independent development of knowledge, search for truth, independence in daily life and willingness to life-long learning. The dominant in the tactics is an emotionally-valuable learning style, which involves cooperation and joint actions in the learning process (cooperative action learning). The components of cooperative action learning style are the elements of the operational and strategic management, project teams, group dynamics, problem solving process and decision-making. The research results are formulated criteria of assessment of student group activities based on the SWOT-analysis and the SMART criteria. The data obtained can be used for the organization of work in the professional learning environment.

Keywords: linguistic and communicative management, coaching, emotional and evaluative style, SWOT-analysis, SMART criteria

Introduction

One of the important tasks in the preparation of a new type of specialists is the development of modern multidimensional consciousness, based on the cross-cultural communication competence. Thus, we can talk about changing the paradigm of education, which, in turn, alters the leading objectives and content of the educational process, the rejection of stereotypes, conservative systems and transition to more dynamic, flexible structures, responsive to changes in the surrounding of the global space.

Innovations and management of the learning process can be better understood through the review of management theory. One of the objective reasons causing the application of this theory according P. Doyle (1999) is that the commercial organizations are concerned with effective marketing of their services, providing quality products to customers and competing with other similar motivated

organizations [4]. The similar situation can be observed in the modern educational system: a set of universities offer their services, trying to meet the demands of students and potential employers.

In particular, D.V. Chernilevsky (2002) offers a marketing approach to the organization of training activities, indicating the need to find and implement technologies that would ensure comfortable existence to the future specialist in terms of personal and social development objectives [2].

Delano et al. (1994) pointed out that innovation in learning of English (or any other language) as a foreign one is a complex change, underlying philosophy of training (learning a foreign language), brought in by direct experience, research data and other means, resulted in restructuring of the pedagogical process in such a way that the new program enhances the language learning process [3].

Theoretical prerequisites for formation of linguistic and communication management strategies

The student group can be viewed as a learning organization. The modern kind of the learning organization is a hypertext-organization. Taking into account the theoretical postulates developed by I. Nonaka, H. Takeuchi [5], there are three hypertext contexts of the hypertext-organization. First, traditional knowledge (the traditional context) may be present in the system, for example, ready training materials. Second, the project teams provide another context, which allows team members (group of students) consider traditional knowledge from a different perspective. Third, formed by the previous two layers knowledge base (new context), in which it is stored, evaluated from different perspectives and improved.

After analyzing and taking as a basis the theoretical postulates of strategic management and its concept, which enables organizations to achieve their goals in a dynamic, changing uncertain environment and optimally use the existing potential, it is possible to formulate a definition of linguistic and communicative management.

Thus, linguistic and communicative management is a strategy for designing the learning process, which has its own mission, vision, culture, goals and tasks, aimed at the development of intercultural communication competence of students through learning a foreign language [4].

There are basic components of the direction: mission, vision, culture, goals and tasks [4]:

1. Mission is the formulation of the meaning of the organization existence, in our case, a student group. In this context, the mission is defined by the main directions of education and individual development in the country in general and higher education (university), in particular due to the requirements of the international community.

2. Vision is the attractive and shared by everybody image of desired future of the organization (group). The properly formulated vision should motivate, unite and inspire confidence.

More clearly the main directions of the mission and vision are determined by such techniques as the SWOT-analysis. This analysis helps to identify strengths (S) and weaknesses (W), opportunities (O) and threats (T) of the organization.

Understanding and assessment of SWOT- analysis helps determine your position correctly,

compare with competitors and assess your resources and capabilities and choose the right direction of development. It should be noticed that these categories are not something static, they are flexible and under certain conditions, weaknesses and threats can be a lever to favorable changes.

3. Culture is the third component of the strategy. To solve our problems in education, we can say that it is a specially designed teaching strategy (linguistic and communicative management) aimed at changing stereotypical thinking, awareness of cultural differences, development of new value orientations, willingness and ability to life-long learning and thus, adapt to changing environmental conditions, improving the professional intercultural communication competence, and therefore increasing the level of corporate culture of the organization where you work / study.

4. Goals and tasks provide a link between the macro level of mission and vision, in this case, the mission and vision of the university, the community in general and the operational level of educational activity of the lecturer in the student group. They should unite and motivate students for their implementation, help plan their activities and opportunities.

Developed goals and tasks must meet the SMART criteria. They should be specific (S), measurable (M), achievable (A), relevant in the circumstances (R), calculated according to time-framed achievements (T).

Thus, they should be directed to the solution of important issues of the group, meet the mission and vision of the university, require efforts on the part of lecturers and students for their implementation, be realistic and feasible in terms of the availability of resources (educational, methodical and technical support), result-oriented (development of intercultural communication competence), encourage and focus the participation of each person (designing the development plan and the identification of ways to achieve it), be measurable and visible (from the point of view of teaching results).

The logic of the linguistic and communicative management strategies is based on the developing kind of training, as it prepares students for the independent development of knowledge, search for truth, independence in daily life and willingness to life-long learning.

In this context, the coaching tactics for students and students as openers is the most effective way of teaching them.

The term “coaching” was introduced into business terminology in the early 1990s in XX century by J. Whitmore, an English businessman and consultant. It means more than just to instruct, train and prepare [1]. In the coaching tactics the individual strategy for success is implemented, results are achieved in the area where a person is the most successful and effective. It allows combining both companies’ (University’s) objectives and professional goals of employees (students, teachers).

In the context of our research coaching is a tactics, promoting the implementation of training and development, and, consequently, improvement of intercultural communication competence and professional skills of the trainees on the basis of a complementary lecturers and students’ interaction [4].

The lecturer does not simply transmit knowledge but organizes the search process, activating the students’ thinking. The lecturer is open to perception and discussion of different points of view

presented in the form of a report, dispute, argument, dialogue, commentary. He/she helps to see the depth and novelty in traditional, jointly formulating hypotheses and generalizations in the context.

The uniqueness of the tactics is that it does not consider any solutions the best and most correct but creates the conditions in which the trainees themselves determine the best ways of solving problems. The time suitable for the start of training is the beginning of a new project, the key moment of a career.

The tactics is based on the proposition that education and management cycles are similar and include the following: 1) people learn when they want to learn and when face the need to solve problems; 2) training is a social cooperation process; 3) training as behavioral change begins when we receive signals about the expected result followed by the action; 4) training often redefines what is already known.

Emotionally-valuable style of linguistic and communicative management strategy implementation

Due to the fact that the coaching tactics is complex and consists of several complementary styles, we also use several learning styles. The dominant of our tactics is an emotionally-valuable learning style (I.Yu.Kalugina, A.K.Markova, A.Ya.Nikonova, L.M.Fridman), which involves cooperation (cooperative learning) and joint activities in the learning process (action learning). We join them in emotional and valuable style of cooperative action learning [4].

Emotionally-valuable learning style provides personal inclusion of students in the educational process at the level of empathic understanding and value-semantic perception of educational material and the image of the lecturer - coach. The process is based on the synergy that promotes the simultaneous development at the individual, organizational and business levels.

The components of cooperative action learning style are the elements of the operational and strategic management, project teams, group dynamics, problem solving and decision-making processes.

This style presumes that the lecturers have empathic abilities, ability to organize training dialogically, which is possible only when they are emotionally open and have interest in the subject matter. Besides, the training effectiveness increases if the relationship between the lecturer - coach and students based on the emotional and trust communication, cooperation and mutual respect.

Thus, the lecturer's behavior can be traced by following lines: 1) introduction of value-semantic information; 2) focus on the emotional and personal way of attitude to educational information and interaction with students; 3) selection of developmental tasks and creation the situation of assessment, mutual assessment and self-assessment in the educational process.

Assessment of impact of emotionally-valuable learning style

Lecturer-coaches focus on the adequate planning of the educational process and training results, knowledge assessment and skills of all students. They work quickly, often changing the types of work and teaching methods in the classroom and practicing collective discussion by focusing on the essence of the subject matter; taking into account the individual characteristics of students, their

vital experience, specificity of their needs and capabilities.

The emotionally-valuable style effectively develops creative thinking of students and their emotional and moral sphere; stimulates self-reflection and self-knowledge, discovering creative abilities and valuable attitude to the world; teaches emotional and dialogical style of communication, cooperation and mutual respect, recognition of the intrinsic value of a person [4].

The assessment of success (results) of development can be performed on the following parameters: on the human level (the student), team (group) and program. The assessment can be at a different time: immediate results – at the end of each lesson; intermediate – in the middle of the program; outcome of the program – at the end of the program.

Thus, at the first phase of the project the lecturer-coach orients trainees, transfers meaningful information about the learning goals and tasks. At the second stage they start working on a project-oriented problem. At the third stage the trainees define, diagnose, analyze and examine professional problems in cross-cultural environment.

Conclusion

In modern conditions, when it is necessary to develop your own practice, acquire your own experience in the international open space, some academic approaches are not enough. Organizational development should be focused on the involvement of students in the search of their own solutions of problems and survival in a competitive environment.

In this situation, the emotionally valuable cooperative action learning style becomes especially important. Firstly, it helps to “play” a variety of life situations, try different ways to solve problems, prepares both for individual and team (group) working, thus cultivating tolerance, flexibility of thinking, the ability to manage emotions, find compromise solutions to problems. Secondly, the lecturer-coach can concentrate on monitoring and management of the activities of the trainees and design future training and development of groups.

Successful organizational and behavioral changes in learning can contribute to social changes. Therefore, the aim of the innovation program is to prepare self-managed, creative and confident students who can develop their cognitive abilities and apply them in the real world, extending their consciousness, perception of the world and thereby contributing to the cooperation both in intra- and intercultural community.

In addition, as Underhill (1992) determines, “the atmosphere of understanding, trust and mutual commitments can contribute to risk-taking and discoveries” [6], that is important for the professional activity of students.

References

1. Ibragimova E.V. (2004) Kouching kak stil menedzmenta [Coaching Management Style]. Menedzment XXI veka: problemy kachestva [Management in XXI century: quality problems]. SPb.: Publishing house “Book House,” 52-54.
2. Chernilevsky D.V. (2002) Didakticheskie tekhnologii v vishey shkole [Didactic Technologies in Higher School]. M.: UNITI-DANA, 437.

3. Kennedy Ch., Doyle P., Goh Ch. (1999) Exploring Change in English Teaching. Oxford, UK: Macmillan Publishers Limited, 120.
4. Kuprina T.V. (2006) Razvitie mezhkulturnoy kommunikativnoy kompetentnosti studentov-menedzherov na zanyatiyakh po inostrannomu yaziku [Development of Intercultural Communication Competence of Students-Managers While Learning Foreign Language]. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeny kandidata pedegogicheskikh nauk [Thesis for the degree of Candidate of Science (Pedagogics)].- Yekaterinburg: SEI HPE Ural State Technical University, 214.
5. Nonaka I., Takeuchi H. (2011) Kompaniya – sozdatel znaniya. Zarozhdenie i razvitie innovatsiy v yaponskikh firmakh [The Knowledge-Creating Company. How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation]. M.: Olymp-Business, 384.
6. Shash N.N. (2004) Action Learning. Unikalniy podkhod k razvitiyu ludey i organizatsiy [Action Learning. Unique Approach to Development of People and Organizations]. M.: GrossMedia, 240.

About the authors

Tamara V. Kuprina (Yekaterinburg, Russia), PhD (Pedagogics), Professor of Russian Academy of Natural History, Associate Professor, Department of International Economics and Department of Foreign Languages and Translation, Ural Federal University (620002 Russia, Yekaterinburg, 19, Mira St., tvkuprina@mail.ru)

Svetlana M. Minasyan (Yerevan, Republic of Armenia), PhD (Pedagogics), Professor of Russian Academy of Natural History, Associate Professor, Department of Theory and History of Pedagogics, Armenian National Pedagogical University after Kh. Abovyan (0010 Republic of Armenia, Yerevan, 17, Tigran Mets St., e-mail: minasyansvetlana49@aspu.am)

**ОБУЧЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЯМ УБЕЖДЕНИЯ КАК АКТИВИЗАЦИЯ
ПОЗНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ И
ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ**
**TRAINING OF PERSUASION TECHNOLOGIES AS AN ACTIVATION
OF COGNITIVE ACTIVITY OF STUDENTS AND THE FORMATION OF
COMMUNICATIVE COMPETENCE**

Abstract

The initial data for this article were the persuasion technologies in the Kazakh ethnopedagogics.

The subject of the article are the modes of transmission and reception of information, persuasion technologies, argumentation in the Kazakh ethnopedagogics.

The theme of the article served as an analysis of persuasion and argumentation techniques as a form of active socialization.

The aim of this work is to teach techniques persuasion with the experience of the Kazakh ethnopedagogics in the context of globalization, in the aspect of continuity of generations, using axiology of the historical past.

The hypothesis of research consists in the role of learning technologies persuasion for activation of informative activity of students and the development of communicative competence.

The methodology of work is based on the use of the experience of the Kazakh ethnopedagogics, axiological values and their actualization in modern social pedagogy.

The results. Analysis of the perception and transmission of information technologies of persuasion and argumentation in the bard's poetry. Development of test questions, tasks, recommendations on the use of persuasion and argumentation techniques.

A scientific contribution is characterized by the first realization of the analysis of thinking strategies, communication methods of persuasion techniques in the Kazakh ethnopedagogics with the use of products in modern social pedagogy.

Conclusions. The role of persuasion techniques for effective communication was revealed. The analysis of the Kazakh ethnopedagogics relevant for the formation of the communicative competence of the social teacher. The ability to bring together the points of view characterizes the psychological advantage of the social teacher as a professional communicator.

Application results – social pedagogy, management psychology, cultural institutions, social, political science.

Directions of future researches – the development of persuasion techniques for social and political spheres.

Keywords: social pedagogy, pedagogy, professional competence, beliefs technologies, communicative competence, the design personality

Введение

В условиях кризисного состояния общества социальная педагогика выступает ведущей отраслью знаний. Своеобразие социальной педагогики ставит в центр работы владение эффективной коммуникацией. Знание и владение технологиями убеждения и культурой аргументации определяет не только успех работы социального педагога, но и умение проектировать поведение личности аудитории педагога.

Для формирования навыков коммуникативной культуры и психологических преимуществ социального педагога большое значение имеет казахская этнопедагогика источник социальной философии казахского народа, оказывающей целенаправленное воздействие на человека. С другой стороны, народная дидактика представляет собой целенаправленное воздействие на человека, что является социальным воспитанием. Это многоуровневый процесс усвоения знания, норм поведения, отношений в обществе, в результате которого личность становится его полноправным членом. В этом отношении особый интерес представляет поэзия жырау¹.

Настоящая статья посвящена анализу технологий убеждения и аргументации как форме активной социализации личности на материале казахской средневековой поэзии. Разработанные контрольные вопросы, задания и методические рекомендации отражают опыт чтения автором настоящей статьи дисциплины «Технология и методика социально – педагогической работы» в бакалавриате. Актуальность такого подхода обусловлена обучением студентов и магистрантов технологиям убеждения, которые в деятельности будущего социального педагога имеют большое значение с точки зрения специфики, когда в большей степени приходится работать в ситуациях спора, конфликтных положениях, убеждать клиента-оппонента и склонять его на свою сторону.

Предлагаемый подход не только способствует сохранению культурной и исторической памяти, воспитанию патриотизма и толерантности, но и способствует достижению поставленной цели - обучению технологиям убеждения с применением опыта казахской этнопедагогике. В условиях глобализации сохранение идеи преемственности поколений, применение аксиологии исторического прошлого приобретает исключительное значение для формирования коммуникативной компетентности будущего специалиста в области социальной педагогики.

Как опыт социальной педагогики прошлого может стать полезным в технологии целевого направления? Какие технологии убеждения предлагает нам казахская литература прошлого?

¹ Жырау - сказители, поэты, ряд из них состоял советниками при ханах в средние века, с XV по VIII в. В советское время изучение творчества было под запретом под предлогом воспеания идеологии ханства. Данный период был для казахского народа временем отстаивания национальной независимости, формирования национальной идеологии и в том числе национальной концепции воспитания и личности. Роль поэтического слова духовных лидеров, какими для народа были жырау, обладала силой исключительного эмоционального и социального воздействия.

И как эти технологии соотносятся с социально-педагогическим проектированием личности? Попытка ответить на эти вопросы, активизирующие контакты социальной педагогики с философией, культурой, теорией и психологией управления, определила направления настоящей работы.

Теория

Коммуникативная культура социального педагога предполагает ряд комплексных характеристик. В их числе инструментальные компетенции, такие, как умение пользоваться казахским языком как государственным и русским в межкультурном общении. Это межличностные компетенции: способность выражать собственные чувства, критически оценивать себя, других и окружающую действительность, выработать позитивные коммуникативные навыки, основанные на принципах патриотизма, гражданственности и толерантности, необходимые в полиэтническом и поликонфессиональном пространстве Республики Казахстан; адаптация и компетентное использование культурологических, экономических, правовых знаний для решения задач общения в полиязычном и поликультурном социуме; способность работать в команде, убеждать, аргументировать, делать выводы; умение общаться в официальной и неофициальной обстановке. Особое место в социальной педагогике уделяется системным компетенциям. Это владение общенаучными и философскими методами исследования предметов, явлений и процессов социальной действительности. К этой группе относится и использование инновационных форм и методов вовлечения родительской общности в коррекционно-педагогический процесс. В контексте заявленной темы актуально умение вести культурно-просветительскую культурно-досуговую работу с детьми, подростками и молодёжью в области кино, театрального, художественно-изобразительного искусства, музыки; разрабатывать программы, методики и технологии просветительской работы в области культуры.

В учебниках, посвящённых эффективным технологиям социальной педагогики, внимание уделяется вопросам профилактики, коррекции девиантного и делинквентного поведения, технологии социально-педагогической работы с семьёй [1, с. 5]. Как правило, такие учебники предназначены для использования социальными педагогами, специалистами по социальной работе и защите семьи и детства, студентами в ходе практики. Отличие данной работы заключается в адресации тем, кто испытывает потребность в овладении основами технологий убеждения и аргументации, выработке навыков работы с возражениями в ситуациях спора, полемики, дискуссии.

Данные и методы

На понимание особого значения технологий убеждения в современной действительности первым откликнулся бизнес. Таковы бизнес-тренинги, целью которых является развитие коммуникативной компетентности, рассмотрение и тренировка стратегий мышления, изучение и отработка навыков восприятия и передачи информации [2, Online]. Цель этих тренингов - развитие коммуникативной компетентности. Организаторы уделяют внимание рассмотрению и тренировке стратегий мышления для эффективного убеждения. Изучение и отработка навыков в сфере особенностей восприятия и передачи информации также на-

ходитесь в поле зрения организаторов тренингов. Другая распространенная разновидность тренингов связана с интенсивным общением, интенсивным убеждением и интенсивным психодавлением [3, Online]. Такие технологии могут быть применены в работе социального педагога в ситуациях спора, дискуссии, полемики, когда возникает необходимость убеждения и переубеждения. Знание стратегии разрушения позиции оппонента и стратегии возведения до истинного своей позиции составляет зерно такого поведения.

Полученные результаты

Рассматриваемая нами казахская поэзия содержит богатый материал для анализа ситуаций убеждения и переубеждения с точки зрения современной теории и создаёт предпосылки для их применения, в частности, стратегий разрушения позиции оппонента, в деятельности социального педагога.

Возможность отработки навыков моделирования поведения оппонента в ситуации спора и сопротивления аудитории обусловила разработку предлагаемых контрольных вопросов, заданий и методических рекомендаций. Обращение к поэзии жырау определяется изучением конфликтологии в области семьи и семейных отношений, религиозного, гражданского сознания и правовой культуры и возможностью применения этого опыта в деятельности социального педагога для формирования культуры аргументации.

Первая группа результатов связана с анализом восприятия и передачи информации, технологий убеждения и аргументации, стратегий разрушения позиции оппонента в поэзии жырау. Так, у поэта Асана Кайгы (60-е годы [XV века](#)) аксиология семейных ценностей в обращении к хану содержит опорные для кочевника понятия. «У тебя жена безродная, / Друга хана нет достойного, / Сына нет – власть удержать!» [4, с. 26]. Императивная форма обращения обусловлена тем, что хан вынудил народ перекочевать из благодатных мест на чужбину, не посоветовавшись с народом. Среди причин произвола хана для поэта не случайна семейная ситуация. Так, обрекший народ на лихие времена хан не имеет опоры в семье.

У казахов успех батыра (казахского богатыря) связывался с конем и женой, мудрой, верной, достойной мужа. Безродность - синоним отсутствия ума, способности быть мудрым советником при супруге. Наличие наследника в условиях непрерывных сражений, чреватых потерей отца, это возможность выполнения миссии высокого значения. Синтез личного и социального, общественного и государственного не только парадигма исторического значения, но модель поведения и проектирования современной личности, осознающей принадлежность к героическому прошлому. Включение критериального механизма (сопоставление со сверстниками прошлого, масштабом их деятельности) активизирует генный код памяти у молодежи.

В аллегории Асана «Что несчастье в этой жизни?» знаками социального неблагополучия, катастрофического для народа, становятся уничтоженный город, переданный через метафору «ковыль, растущий в белом городе» [1, с. 27]. Это метонимия «усталого сердца», т.е. переставшего испытывать радость. «Без друзей одинокая старость не в радость, / Не понявшей

2 Русские переводы поэзии осуществлены и представлены профессором кафедры русской филологии ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва К.Б. Уразаевой. Тексты цитируются по приведенному казахскому оригиналу, указанному в списке литературы.

невестке и девушка в тягость» [1, с. 27] актуализирует отсутствие в семье как отсутствие смысла жизни. В казахских народных представлениях отношения невестки и золовки сокровенные, доверительные, отношения духовно близких людей, подруг. Выраженная в символах семейного кода, информация Асана понятна человеку, воспитанному в народных традициях.

«Как бы ни был хорош герой-богатырь, / Он счастья не знает, когда он один!» [4, с. 27]. Одиночество обладает характером приговора. Одинокому человеку сложно выжить в условиях кочевого образа жизни, в жизни, полной военных набегов и походов. Прямолинейно говорит об этом поэт XVIII века Шалкииз (1465-1560): «Чтобы враг за ворот не схватил рукой, / Множество родни иметь бы за спиной» [4, с. 48]. Соборное сознание казахского общества с предельно четкой организованной структурой утверждает ценность родственных отношений.

Аксиология семейных ценностей в поэзии Казтугана жырау (30-е годы XV в.) «Алан, алан, алан жер» (Земля, земля, земля родная кругом...) выражена в формулах ритуального перечисления по генеалогической нисходящей линии: «Земля, земля родная кругом, / Земля, где белая юрта – мой дом, / Земля, где дед мой Суюниш / Семейные радости здесь постиг, / Земля, где мать моя Бозтуган / Невесткою стала и где Казтуган, / Малого роста родился на свет» [4, с. 32]. Земля - дом - семья как базовые ценности, символы преемственности, крепости рода, номинация как опознавательные знаки шире биографической информации. Принадлежность к определенному роду для казаха семиотическая информация, содержащая корпус сакральных знаний (от истории рода, географии расселения, места в сложной иерархии и т.д). Ироническое признание в малом росте стало основой второго имени поэта. Малости физического свойства оппонирует сила духа и художественного таланта. Включение матери в линию рода (обычно называют отца среди представителей рода по мужской линии) - нарушение ритуальной традиции и означает соединение двух казахских родов как основу укрепления казахского общества. «Земля, пуповины хранящая след» - продолжение темы матери, рождения новой жизни. Архетипы, святые для человека, характеризуют способы передачи информации, которые воспринимаются современной молодежью как канонические.

Параллелизмы в поэзии Шалкииза, оперирующего понятиями казахского быта, скотоводческого образа хозяйствования, выявляют простую и понятную казаху логику. «От двугорбого и нара³ рождается жампоз, / По силе на нара детеныш похож, / Аргамака и простой кобылы след – / В жеребенке благородства нет. // От плохих людей родился добрый сын, / Если рассказать, поверишь ты? // У достойных родился злой воле покорный – / Чашки еды этот сын не достоин» [4, с. 50]. Это аналог русской поговорки «Яблоко от яблони недалеко падает».

Приведенный материал помогает активизировать познавательную деятельность обучающихся, а именно - усвоить виды эффективных способов передачи информации социальным педагогом и восприятия его клиентом.

3 Одногорбый верблюдо

Контрольные вопросы.

1. Как можно использовать выявленные способы передачи информации в современных стратегиях коммуникации?
2. Какие особенности технологии убеждения казахской средневековой поэзии создают основу для их современного применения?

Задания.

1. На основе рассмотренных способов образной передачи информации используйте пословицы, казахские и русские, содержащие параллелизмы, для передачи информации о жизни на чужбине.
2. Представьте себя - с использованием народных ритуальных способов знакомства с незнакомой аудиторией - в сельской местности с компактным проживанием казахского населения или среди этнических казахов (оралманов).

Методические рекомендации.

1. Сформулируйте для себя целеполагание.
2. Продумайте приемы создания «пространства доверия».
3. Смоделируйте ситуацию с позиций восприятия информации с разных точек зрения.

Интересный материал для изучения технологий убеждения, переубеждения, аргументации представляет жанр обращений к властителям поэтов. Например, Асан сочетает следующие стратегии разрушения позиции оппонента: прямое и открытое разрушение: «Но ты на месте этом совета не созвал» [4, с. 26]; подводит оппонента к пониманию ошибочности: «Ты совету не внял, и чужбина тесна, / На скитанья народ твой теперь обрекла» [4, с. 26]; отрицает мнимое превосходство: «Говоришь, как будто, кроме тебя. Нет других ханов» [4, с. 26]; использует прием формирующих вопросов; побуждает хана к правильному действию: «Если слушать ты готов меня, найди / Ты кочевье, Желмая⁴ моя в пути, / В землю ту народ перевези» [4, с. 26]. Предупреждение Жанибеку: «Судный день, гляди, настанет, / Щука белая достанет, / Верх, играючи, сосны» [4, с. 27] в аллегории конца света обладает характером приговора. Аргументация включает в себя и эффективное переубеждение. Интересно, что тавтологическая стратегия Асана известна в психологии как «эффект края»⁵ [5, Online]. «Эффект края» установлен немецким психологом Г. Эббингаузом, две работы которого о памяти были опубликованы в России в начале XX века. Проявляется как в непосредственном, так и отсроченном воспроизведении. В аспекте взаимодействия процессов внутреннего торможения, одновременно действующих в ходе научения и замедляющих его, изучался французским психологом М. Фуко. В современных исследованиях «эффект края» изучается как «эффект первичности», «эффект недавности», или «эффект новизны». Они широко применяются

⁴ Мифологический образ верблюдицы Асана, на которой он исколесил мир в поисках обетованной для казахов земли.

⁵ «Эффект края» установлен немецким психологом Г. Эббингаузом, две работы которого о памяти были опубликованы в России в начале XX века. Проявляется как в непосредственном, так и отсроченном воспроизведении. В аспекте взаимодействия процессов внутреннего торможения, одновременно действующих в ходе научения и замедляющих его, изучался французским психологом М. Фуко.

среди эффектов массовых коммуникаций [6]. Рассмотренные примеры стратегии убеждения и аргументации задают импульс к выработке технологии работы с возражениями.

Контрольные вопросы.

1. В каких случаях предпочтительно прямое разрушение позиции оппонента?
2. Какие факторы обуславливают использование приёма эффективного переубеждения?
3. Какие психологические различия лежат в основе приемов советоваться и советовать.
4. Что вы знаете о приеме «эффект края»?

Задания.

1. Приведите 3-4 уточняющих вопроса как примеры разрушения позиции оппонента.
2. Приведите 3-4 формирующих вопроса как примеры разрушения позиции оппонента.
3. Представьте ситуацию «Отказ выпускника университета возвращать государству образовательный кредит».
4. Составьте модель работы с возражениями по схеме: «прямое разрушение позиции оппонента - гибкое переубеждение на основе выявления просчетов - сближение точек зрения социального педагога и клиента - применение приема советоваться, но не советовать».

Методические рекомендации.

1. Высокоразвитая коммуникативная культура предполагает умение слышать и слушать собеседника, понимать его настрой, умело критиковать – в случае необходимости – его позицию, профессионально задавать вопросы, эффективно отвечать на них, т.е. обнаруживать поведение профессионального коммуникатора.
2. Также важно для социального педагога наличие психологического преимущества. Оно проявляется в умении моделировать поведение клиента, прогнозировать диалог с ним, предвосхищать возражения оппонента и иметь ответы на них.
3. В технологии убеждения особую роль играет «эффект края».
4. Используйте слова оппонента для изменения его точки зрения.
5. Продумайте способы работы с сомнениями и возражениями оппонентов.
6. Продумайте способы работы с сомнениями и возражениями оппонентов.

Анализ технологии разрушения позиции оппонента с применением религиозных понятий представляет «Предупреждение бия Темиру перед совершением хаджа» Шалкииза. «Решил ты доверить кораблю судьбу свою, / И от народа мыслей не тая, / Замыслил: Дом Всевышнего – / Кааба ждет тебя!» [4, с.46]. Умение моделировать мысли оппонента - важный компонент технологии убеждения. Шалкииз использует те же приемы, что Асан, а именно выявление драматичных последствий: «Но с отъездом бия Темира / Уходит привычная сила: / У основанья рога трещина легла» [4, с.46]. Та же система уточняющих и формирующих вопросов характеризует прием работы с возражениями оппонента, переходящими в эффективность переубеждения: «Я спрашиваю, хан мой, повелитель, / Каабу, иль Всевышнего

обитель, / Создал Ибрахим Халил Аллах, /А души мертвых забирает Азраил//. Но если ты поднимешь упавшего, / Но если ты утетишь скорбящего, / Выпрямишь горбатого, твою Каабу - / Дом Всевышнего для себя открой: // Мой повелитель, мой султан, / Он – пред тобой!» [4, с. 47].

Шалкииз воссоздал концепцию дружбы как судьбы в терминах религии: «Я богат друзьями: есть они везде.// Но, когда нужны они мне,/ Нет их в тесном скользком мире. // Что делать, если не найти,/ Судьбу Всевышнему я поручил» [1, с. 45]. Суфийская формула «тесного скользкого мира» являет альтернативу мусульманской покорности. В исламе феномен фикр - абсолютная покорность верующего Всевышнему, и она становится для поэта выбором судьбы. Следует заметить, что аксиология семейных, религиозных, социальных ценностей включает в себе нормы гражданского и правового воспитания.

Интересно, что Шалкиизом активно используется психологический прием сближения точек зрения и создания «пространства доверия». В психологии массовых коммуникаций широко используется теория социального научения (SOCIAL LEARNING THEORY), описанная в книге Ричарда Харриса «Психология массовых коммуникаций». Известно, что данный подход возник в бихевиористской психологии, методология которой была основана на связи между стимулом и реакцией (S-R). Разработку подхода относят к 60-е годам, трудам социального психолога Альберта Бандуры и его коллег. Смысл теории состоит в том, что «мы усваиваем модели поведения, глядя, как окружающие ведут себя определенным образом, а затем имитируя их действия. Роль СМИ приобретает здесь значимость, когда примеры, демонстрируемые в них, становятся источником научения» [5, с. 260].

Харрис называет прием «когнитивного проигрывания», когда человек должен запомнить модель поведения и начать о ней думать. Применение этого приема позволяет социальному педагогу переключиться на волну рассуждений оппонента и прогнозировать логику его размышлений. Для этого необходимо наличие когнитивных способностей, моторных навыков и мотивации.

Не менее важно для будущего социального педагога знание теории конфликтологии, предлагающей способы решения переговоров и достижения эффективного взаимодействия при наличии конфликта интересов [7, с. 10- 180].

Практика разрешения конфликтов является предметом исследований Г.Г. Почепцова. Это специфика профессий переговорщика [8, с. 159-161], особенности кризисных коммуникаций [8, с. 182-189], механизмы коммуникативного воздействия в кризисных ситуациях [8, с. 190-199], что стало обоснованием для анализа профессии кризисника. Представление о своеобразии работы социального педагога, включающей навыки работы переговорщика и кризисника в условиях работы с возражениями, когда важно сблизить точки зрения социального педагога и оппонента, стало почвой для разработки следующих вопросов и заданий.

Представьте ситуацию «Беседа с отказом верующей студентки носить светскую одежду в аудитории».

Контрольные вопросы.

1. С какого тезиса и аргумента начнете беседу с оппонентом?
2. Какие аргументы оппонента вы ожидаете услышать?
3. Какую роль играет умение моделировать мнение оппонента для социального педагога в умении работать с возражениями?
4. Какие аргументы для корректировки мнения оппонента вы будете использовать?
5. Какие способы сближения мнения оппонента с правильным мнением в ситуации спора вы можете назвать?
6. Почему умение выслушать точку зрения оппонента является важным звеном технологии убеждения?
7. Почему важно приводить самые сильные аргументы в начале и конце беседы с оппонентом?
8. Какие аргументы вы приведете в начале и конце беседы?
9. Должны ли они различаться?
10. Почему важно собеседнику не советовать, а советоваться с ним?
11. Каков будет предмет совместного совета с собеседником?

Задания.

1. Попробуйте смоделировать мысли оппонента, применяя советы Ричарда Харриса из области теории социального научения.
2. Поставьте себя на место оппонента. Какое уязвимое место в его позиции станет исходной точкой для переубеждения оппонента?
3. Выработайте формы расположения собеседника к себе.
4. Определите точки сближения вашей позиции с мнением оппонента.

Методические рекомендации.

1. Рассматривайте ситуацию как переговоры, т.е. взаимодействие заинтересованных сторон для продуктивного разрешения конфликта.
2. Изучите основные источники по теории и практике конфликтологии, способы подготовки, организации и проведения переговоров.
3. Обсуждение конкретных проблем и своевременное вовлечение собеседника в диалог не только позволяет повысить эффективность своих доводов, но создаёт предпосылки для того, чтобы оппонент встал на сторону социального педагога.
4. Формирование доверия к собеседнику и его расположения, сближение точек зрения создает ситуация, когда от социального педагога исходят не советы, а предложение посоветоваться.
5. Формирование доверия к собеседнику и его расположения, сближение точек зрения создает ситуация, когда от социального педагога исходят не советы, а предложение

посоветоваться.

Таким образом, вторая группа результатов связана с разработкой контрольных вопросов, заданий, рекомендаций по применению технологий убеждения и аргументации.

Заключение

Итак, в работе выявлена роль технологий убеждения для выстраивания эффективной коммуникации и обеспечения гибкости поведенческих стратегий социального педагога, выработки умений грамотно взаимодействовать с представителями различных социальных групп. Анализ стратегий мышления, способов передачи и восприятия информации, технологий убеждения и аргументации, контрольные вопросы, задания и рекомендации способствуют выработке навыков коммуникативной компетенции, умению сближать точки зрения, формировать навыки психологического преимущества профессионального коммуникатора. Вместе с тем устанавливаются основные принципы социально-педагогического проектирования личности социального педагога и его аудитории. Предпринятый автором опыт определяет и важность изучения технологий убеждения для мотивации к профессиональному развитию социального педагога.

References

1. Effektivnye tehnologii sotsialnoi pedagogiki [Effective technologies of social pedagogy] (2008): Uchebnoye posobiye / Pod obshei red. RAN V.I. Zhukova. 2-ye izdaniye, dopolnenniye I pererabotannoye [Tutorial/ edited by Ran V. I. Zhukova, second edition add. and revised]. M: izdatelstvo «Gnom I D», 200.
2. Sovremennyye tehnologii ubezdeniya. Otkrytyi trening [Contemporary technology of conviction. Outdoor training] [Online] Available: [<http://www.pro frost.ru/sovremennietehnologi/>] (February 5, 2015).
3. Gerasimov I.V. () Intensivnoye obsheniye: tehnologiya dinamichnogo ubezdeniya I effektivnogo pereubezdeniya [Intensive communication: technology of dynamical conviction and effective reassurance] [Online] Available: [http://www.nrpsy.ru/vliyanie_intensiv.html] (February 6, 2016).
4. Bes gasyr zhyrlaidy (Poety pyati vekov, Antologiya kazhskoi poezii XV- nachala XX vv, v treh tomah. Tom pervyi (na kazakhskom yazyke) [Five centuries poets. The anthology of Kazakh poetry XV- early XX century. In three volumes. Volume one (in Kazakh language)] (1984). Almaty: Zhazushy, 256.
5. Eggekt kraya // Psyhologicheskii slovar [Edge effect // Psychological dictionary]. [Online] Available: [<http://www.psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=1162>] (February 5, 2015).
6. Kharris R. (2002) Psyhologiya massovyh kommunikatsii [Psychology of mass communication]. M.: OL-MA-PRESS, 400.
7. Khasan B.I., Sergomanov P.A. Psyhologiya konflikta I peregovory [Psychology of conflict and negotiations] (2004). M.: izdatelskii tsentr 'Academia', 192.
8. Pochepstov G.K. Kommunikativnye tehnologii XX v. [Communicative technology XX century] (2007). M.: Refl-book; Kiev: Wakler, 352.

Information about Author

*Kozhayaeva Sanim (Astana, Kazakhstan) - PhD,
Associate Professor of the Eurasian National University after L.N. Gumilyov,
e-mail: sanimkozhaeva61@mail.ru*

Informational and Smart Technologies for Education

UDC 811.161.1

Tatiana Petrovna Skorikova
Plekhanov Russian University of Economics
Bauman Moscow State University

СМАРТ-ТЕХНОЛОГИИ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ SMART- TECHNOLOGIES AS AN EFFECTIVE MEANS OF EDUCATION INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abstract

The article deals with the didactic opportunities of electronic (virtual) learning environment in the study of the theory and practice of intercultural communication. The purpose of the article is to provide a description of the content and the construction of a modular training course for undergraduates in profile “Theory of Communication and International Public Relations”. The article observes the use of complex scientific techniques such as: a systematic approach in the formation of ideas about the phenomenon of virtual learning language environment and its design; expert-analytical method for assessing the quality of materials and creating an online course and other components. The use of smart technologies in mastering the content of the discipline “Theory and Practice of Intercultural Communication” is aimed at developing the professional competence of the undergraduates by creating the main technological approaches to develop their own educational “route” in a virtual learning environment. The expected result is the formation of student’s readiness to use knowledge of the theory and practice of intercultural communication in solving educational and professional goals with the help of modern computer technology. Methodological novelty of the proposed approach is to develop a training course materials and methods of application of the remote forms of organization of independent students’ work in their practice in e-learning environment. A promising direction for further research in our project is identifying a new methodological problem, which consists in the modification of the system and methods for training material, in accordance with changes in e-learning environment.

Keywords: Information and computer technology, theory and practice of intercultural communication, virtual learning environment

Появлению инновационных форм языкового образования, к числу которых, безусловно, относится дистанционная, способствует распространение средств массовой коммуникации и открытого доступа к широкому информационному пространству во многих государствах, в том числе и в России. Разрабатываются пути повышения результативности образования, финансируется освоение педагогическим сообществом возможностей новых

информационных технологий и инструментов, разработка на их основе новых способов образовательной деятельности, в том числе открытой – не ограниченной пространством и временем. Дистанционное обучение, которое сегодня рассматривается как инновация даже в таких предметных областях, где уже накоплен большой опыт заочного обучения, отмечено особой степенью новизны в сфере преподавания дисциплин магистратуры по лингвистике профиля: «Теория коммуникации и международные связи с общественностью».

Особую актуальность исследованиям в данном направлении придает возможность переноса коммуникативно-деятельностной концепции обучения в практику дистанционного обучения и моделирование на этой основе нового образовательного продукта с использованием онлайн-компонентов и их внедрением в учебный процесс (в рамках дисциплины магистратуры «Теория и практика межкультурной коммуникации»).

Обучение межкультурной коммуникации относится к одному из важнейших направлений подготовки лингвистов. Цель данного курса - обучение студентов теоретическим основам межкультурного взаимодействия, формирование межкультурной компетентности, позволяющей обучающимся осуществлять адекватную коммуникативно-языковую деятельность в условиях вхождения в чужие культурные группы. В рамках профессиональной подготовки магистрантов наряду с развитием традиционных, хорошо зарекомендовавших себя на практике подходов к обучению языку избранной специальности следует обратить особое внимание на обучение учащихся необходимым знаниям и навыкам работы с информацией при использовании новейших компьютерных технологий [1, 2, 3, 4, 5, 10], что помогает молодым специалистам самостоятельно обновлять собственный запас знаний, пользуясь дополнительно ресурсами профессиональной интернет-коммуникации [11, 12, 13, 14].

В настоящей статье рассматриваются обучающие возможности электронной образовательной среды при изучении магистрантами теории и практики межкультурной коммуникации.

Вопросам организации виртуальной среды обучения посвящены работы А.Н. Богомолова [3], Л.А. Дунаевой [4], Э.Г. Азимова [1], С.С. Куликовой [6], Т.Н. Носковой [7]. Вслед за Э.Г. Азимовым под виртуальной образовательной средой мы понимаем среду обучения, основанную на интернет-технологиях [1, с.194]. Обучающие ресурсы виртуальной языковой среды строятся на базе электронных учебников и учебно-методических комплексов, представляющих собой «структурированное информационно-образовательное пространство учебного заведения со всеми имеющимися в нем курсами дистанционного обучения, предусмотренными учебным планом или программой обучения» [1, с.195].

Разработанный нами учебно-методический комплекс по дисциплине «Теория и практика межкультурной коммуникации» [9,10] интегрирован в электронную среду обучения виртуального Кампуса и включает в свой состав веб-страницу преподавателя с информационно-справочными материалами, задания (индивидуальные и групповые), контрольные задания и тесты, а также веб-страницу учащегося, включающую документацию учебного процесса, методические материалы, форумы, веб-квесты и способы организации взаимодействия с преподавателем.

Интерактивная основа построения курса (взаимодействие всех его структурных элементов и он-лайн компонентов) обеспечивается системой сквозных гиперссылок в структуре самого курса: лекционный материал → основные (ключевые) понятия разделов курса → тесты → практические задания → проблемные задания и проекты. Данный подход к проектированию содержания учебного курса магистратуры реализуется в магистерской программе по дисциплине “Теория и практика межкультурной коммуникации,” впервые, чем и определяется ее практическая значимость и методическая ценность.

При разработке курса использовались следующие методы исследования:

- теоретический анализ и синтез при обобщении литературных источников, электронных ресурсов учебного назначения, инструментальных средств разработки систем дистанционного обучения;
- системный подход при формировании представлений о феномене виртуальной учебной языковой среды и при ее проектировании;
- экспертно-аналитический метод оценки качества созданных материалов и он-лайн компонентов курса;
- метод наблюдения за процессом речевой деятельности учащихся в реальной и виртуальной учебной языковой среде.

Применение комплексных научных методик позволяет обеспечить такие параметры курса как: его инновационный характер, устойчивость, жизнеспособность, и тиражируемость результатов.

Рабочей программой дисциплины «Теория и практика межкультурной коммуникации» [9] предусмотрено: знакомство с основными теоретическими подходами к анализу межкультурного общения; приобретение знаний о специфике культур изучаемых языков, системах их ценностей и норм, определяющих правила вербального (речевого) и невербального поведения носителей этих культур; формирование культурной восприимчивости как в отношении собственных культурных особенностей, так и по отношению к специфике других культур.

Использование смарт-технологий при овладении содержанием дисциплины направлено на развитие профессиональной компетенции магистрантов путем овладения ими основными технологическими подходами к выработке собственных образовательных «маршрутов» в виртуальной среде обучения. Ожидаемым результатом является формирование у магистрантов готовности использовать знание теории и практики межкультурной коммуникации при решении учебно-профессиональных задач с помощью современных компьютерных технологий.

В ходе изучения теории и практики межкультурной коммуникации магистранты знакомятся с основными закономерностями глобального процесса информатизации общества и образования; спецификой и образовательными возможностями современной виртуальной среды обучения [2, 6, 7, 8]. Кроме того, они учатся оценивать протекание учебного процесса

в виртуальной информационной образовательной среде; осуществлять виртуальную коммуникацию с членами учебной группы и преподавателем, применять возможности виртуальной среды для решения различных учебно-научных задач (подготовка докладов, рефератов, курсовых работ и пр.), участвовать в проведении и организации сетевых дискуссий (форумах) по проблемам межкультурного общения. В результате магистранты овладевают: технологиями поиска информации по заданным тематикой курса вопросам; способами ориентирования и взаимодействия с ресурсами глобальной сети Интернет; технологией проектирования собственных образовательных маршрутов с помощью виртуальной среды обучения.

В основу разработки курса по дисциплине «Теория и практика межкультурной коммуникации», читаемого в магистратуре РЭУ им. Г.В. Плеханова, нами был положен ряд принципов: структурирование предметного содержания дисциплины (модульное построение), ориентация на практические образовательные и профессиональные потребности магистранта, наличие постоянной дистанционной поддержки и использования виртуальной образовательной среды [10].

Дисциплина «Теория и практика межкультурной коммуникации» включает семь модулей:

1) Межкультурная коммуникация как междисциплинарная область гуманитарного знания; 2) Язык и культура; 3) Культура современного социума в межкультурном взаимодействии; 4) Способы, формы и средства межкультурной коммуникации; 5) Проблема понимания в межкультурной коммуникации. Стереотипы восприятия; 6) Языковая личность в межкультурной коммуникации. Национальный характер через призму языка; 7) Восприятие и освоение чужой культуры в процессе межкультурной коммуникации. Диалог культур.

Изучение курса строится как совместная исследовательская деятельность преподавателя и обучающихся, ищущих ответы на актуальные вопросы межкультурной коммуникации. В процессе изучения модулей магистранты самостоятельно выполняют различные задания:

- поиск материалов по проблемным вопросам, формулирование собственных ответов в ходе дискуссий (форумов),
- выполнение тестов и контрольных работ по темам курса,
- написание и защита курсового проекта, подготовленного в результате лингвистического исследования,
- изучение научной литературы,
- анализ и оценка электронных ресурсов по теории и практике межкультурной коммуникации.

Вся самостоятельная работа слушателей магистратуры осуществляется в электронной образовательной среде - виртуальном Кампусе (на базе информационных технологий, разработанных в Московском государственном университете экономики, статистики и информатики), позволяющем поддерживать постоянный учебный контакт с преподавателем, контролировать выполнение тестов и других самостоятельных заданий в ходе изучения дисциплины, создавать, открывать, использовать, сохранять, пересылать сообщения и файлы различных форма-

тов, выполнять необходимые действия в стандартных учебных ситуациях, находить информацию о своей успеваемости по балльно-рейтинговой системе оценки знаний.

Как видим, виртуальная образовательная среда в силу своего своеобразия и особенностей организации ведет к усилению рефлексивной активности субъектов образования. Преподавателю необходимо научиться грамотно использовать рефлексивный потенциал сетевого пространства для целенаправленного решения педагогических задач, связанных со становлением профессиональной компетенции будущего специалиста. Использование потенциала информационной среды способствует формированию «особой компетентности – рефлексивной», которая включает в себя рефлексивную способность к осознанию совершаемой деятельности, а также целый ряд рефлексивных умений обучающихся (ориентация на результат деятельности, на процесс деятельности или промежуточные итоги и др.) [7]. С этой целью необходимо развивать гибкую систему управления интеллектуальной деятельностью студентов (при использовании разных сетевых моделей) профессионально ориентированного обучения.

References

1. Azimov Je.G. (2012) *Informacionno-komp'juternye tehnologii v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo: Metodicheskoe posobie dlja prepodavatelej russkogo jazyka kak inostrannogo* [Information and computer technology in teaching Russian as a foreign language: methodical manual for teachers of Russian as a foreign language]. Moscow: Russkij jazyk. Kursy, 352.
2. Begaliev S.B. (2007) *Sovremennye obrazovatel'nye tehnologii kak sposob aktivizacii poznavatel'noj dejatel'nosti studentov* [Modern educational technology as a way to enhance the cognitive activity of students] *Russkij jazyk i literatura v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve: sovremennoe sostojanie i perspektivy* [Russian language and literature in the international educational space: Current Status and Prospects]. Granada, May 7-9, 2007. Vol.1. SPb.: Ed. House MIRS, 249-254.
3. Bogomolov A.N. (2008) *Virtual'naja sreda obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu. Lingvokul'turologicheskij aspekt* [The virtual environment of teaching Russian as a foreign language. Lingvocultural aspect aspect]. Moscow: Maks Press, 320.
4. Dunaeva L.A. (2006) *Sredstva informacionno-komp'juternyh tehnologij v obuchenii inostrannyh uchashhihsja gumanitarnyh special'nostej nauchnomu obshheniju: Monografiju. Means of information and computer technologies in teaching foreign students humanities to scientific communication: Monograph*. Moscow: Maks Press, 296.
5. Zhdanova E.V., Haritonova O.V., Hromov S.S. (2012) *K voprosu o kriterijah otbora i ocenki veb-resursov v prepodavanii inostrannyh jazykov i russkogo jazyka kak inostrannogo* [On the issue of the selection criteria and evaluation of web resources in the teaching of foreign languages and Russian as a foreign language] *Vestnik UMO «Jekonomika, statistika i informatika»* [Vestnik UMO «Economics, Statistics and Informatics»]. № 3, 8-16.
6. Kulikova S.S. (2011) *Samoorganizacija studentov v vysokotehnologichnoj obrazovatel'noj srede* [Self-organization of students in the high-tech learning environment] *Informatizacija obrazovanija - 2011: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Informatization of Education -2011: Proceedings of the International scientific-practical conference. T. 2. - Elec: YSU. I.A. Bunin, 172-176.
7. Noskova T.N. (2007) *Psihohidaktika informacionno-obrazovatel'noj sredy: Uchebnoe posobie* [Psychodidactics educational environment: Textbook]. SPb.: Publishing house RGPU. A.I. Herzen, 171.
8. *Obrazovanie i professional'noe samorazvitie studenta v setевой srede: Uchebnoe posobie* (2010) [Education and professional self-development of the student in a network environment: Textbook. SPb. : Publishing house RGPU. A.I. Herzen, 80.

9. Skorikova T.P. (2012) Rabochaja programma uchebnoj discipliny «Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii» dlja napravlenija «Lingvistika». Profil' podgotovki «Teorija kommunikacii i mezhdunarodnye svjazi s obshhestvennost'ju» [The work program of the discipline “Theory and Practice of Intercultural Communication” for direction “Linguistics”. Profile of preparation “Theory of communication and international public relations”]. –Moscow, MJeSI, 20.
10. Skorikova T.P. (2013) Obuchenie teorii i praktike mezhkul'turnoj kommunikacii (s ispol'zovaniem virtual'noj obrazovatel'noj sredy) [Education Theory and Practice of Intercultural Communication (using a virtual learning environment)] *Vestnik RUDN. Ser. «Russkij i inostrannyj jazyki i metodika ih prepodavanija»* [Bulletin of Peoples' Friendship University. Ser. “Russian and foreign languages and methods of teaching them. № 2, 136-143.
11. The Multilingual Internet: Foreign Language. Culture and Communication Online (2007). Edited by Danet B., Herring S. New York: Oxford University Press, 464.
12. Handbook of research on computer-enhanced language acquisition and learning (2008). Felicia Zhanf, Beth Barber.: Publisher: IGI Global: 614.
13. Online Intercultural Exchange. An Introduction for Foreign Language Teachers (Language for Intercultural Communication and Education) (2007) by Robert O'Dowd (Paperback – 15 Oct 2007).
14. Language and the Internet (2006) David Crystal. Publisher: Cambridge University Press: 2 edition (September 18, 2006), 316.

Information about the author

Tatiana Petrovna Skorikova (Moscow, Russia)

Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Laboratory of Theoretical and Applied Linguistics, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Ul. Nezhinskaya 7.

Professor of the Department of Russian Language, Bauman Moscow State University.

Moscow, Ul. 2 Baumanskaya 5

E-mail: tpskorikova@mail.ru

Socio-cultural Issues of Migration

UDC 332.05/314.7

*Elena B. Bedrina
Ural Federal University
Olga A. Kozlova*

Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences

MIGRATION SPECIFICATION OF THE THIRD DEMOGRAPHIC TRANSITION IN RUSSIA

Abstract

The article is devoted to the issues of immigration in the Russian Federation. The authors hypothesize that the third demographic transition can take place not only in the advanced economies, but also in developing ones, and a deep economic crisis can start the mechanism. However, in these conditions, the demographic shift will have its specific features. In addition, the experience of Western countries undergone or undergoing the transition may be useful for the development of migration policy and the adjustment of the process. Thus, the purpose of the article is to identify the specifics of Russian developing economy at the stage of radical changes of the process of population reproduction.

The research was done on the base of the analysis of empirical data obtained from official Russian sources, using an interdisciplinary approach.

The research has revealed the specificity of the beginning of the third demographic transition in the Russian Federation, which currently is the second after the US in terms of migration flows.

The article may be of interest to professionals involved in migration research.

The authors consider that further collection and analysis of empirical data, characterizing the modern changes in developing countries will expand the demographic transition theory put forward by David Coleman.

Keywords: immigration, population reproduction, third demographic transition, transition economy

Introduction

In accordance with the logic of historical development, sooner or later, any country is going through a fundamental change of the population reproduction process. The liberalization of markets for goods, services and capital, as well as increased integration of countries' activities, leads to an increase in cross-country labor mobility. In this connection, the migration processes become crucial not only for the business environment in a number of sectors of the economy, but also have

a serious impact on the social and cultural life of its people. In these circumstances, there is a need to research migration processes, not only in terms of their impact on economic development, but also in connection with other demographic processes.

Theoretical background of the problem

The basis of the research is the third theory of demographic transition, establishing a cause and effect links between the birth rate and the native population replacement by migrants. Dirk Van de Kaa wrote that the increase in immigration is a natural consequence of low birth rates in the host territory [9, 93]. According to the concept proposed by David Coleman, the phenomenon is known as the third demographic transition. As written by David Coleman, one can talk about the transition, if the changes in the structure and composition of the population occur quickly, irrevocably, irreversibly, and have significant cultural, social and political value [2, 219-220]. A.G. Vishnevskiy connects the third demographic transition with the transformation of the marriage and family institution [10, 17-18]. S.P.Kapitsa hypothesized that due to the large territory, history and diversity of social and economic conditions Russia largely reproduces the global processes [5, 128-143].

The theory of the third demographic transition was created on the basis of empirical material of Western countries. So, David Coleman considers that the third demographic transition, unlike the first and second, affects only developed countries with low birth rates [1, 401-406].

However, from our point of view, the third demographic transition process, firstly, may take place in countries with developing economies, which are recipients of foreign labor; secondly, it has its own characteristics; thirdly, the process of migration can be influenced by the government selecting and carrying out migration policy. So, it is possible to consider the theory of demographic transition in relation to Russia, which is currently the second after the US in terms of attracting immigrants.

Data and methods of the research

Empirical data were obtained from official sources, statistical compilations and analytical reports of the Federal Migration Service of Russia. The basis of the research is a multidisciplinary approach. The methods of graphical and functional analysis are used.

Results obtained

It is established that Russia is currently in the second demographic transition. This transition in Russia was provoked by the economic crisis in 1990, XX century, when the death rate exceeded the birth rate. Against the background of a sharp decline in living standards there began the marriage institution degradation, the total fertility rate began to meet the narrowed type reproduction of the population. In 1992, it was first recorded decline, which took place until 2013. In the period between the population censuses of 1989 and 2010 Russia lost more than 4,165,000 people [6]. Although the economic growth in 2000s improved the demographic situation, but did not correct it, the natural decline in population over the period 2000 to 2014 amounted to 7,507,000 people (Table 1).

Table 1

Increase/decrease of the population in Russia for the period 2000-2014, thousand people
Source: [4]

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Births	1,267	1,312	1,397	1,477	1,502	1,457	1,480	1,610	1,714	1,762	1,789	1,797	1,902	1,896	1,943
Deaths	2,225	2,255	2,332	2,366	2,295	2,304	2,167	2,080	2,076	2,011	2,029	1,926	1,906	1,872	1,912
Natural growth	-959	-943	-935	-889	-793	-847	-687	-470	-362	-249	-240	-129	-4	24	30
Migration growth	361	278	230	258	260	282	313	355	352	345	272	320	295	296	270
Population balance	-597	-665	-705	-631	-533	-565	-374	-115	-10	96	32	191	291	320	300

Removing the “Iron Curtain” and the disintegration of the Soviet Union led to the activation of migration processes in the former Soviet space. In addition, at the beginning of the XXI century there was a policy of attracting foreign labor force to smooth out the process of reduction of the working population against the background of the economic growth. With the exhaustion of repatriates’ flows, migration was a purely economic nature. At the same time it took the form of temporary labor migration.

However, temporary migration only smoothed demographic problems, not solving them. Here-with the migration growth up to 4,487 thousand people for the period from 2000 to 2014 compensated a natural loss of the population less than 60% (Fig. 1). This evolution indicates the beginning of the third demographic transition.

Fig. 1. Recovery of the natural population decrease due to the growth of external migration. Source: [4]

As it can be seen from Fig. 2, the main donors of labor resources in Russia are the countries formed after the disintegration of the Soviet Union and having a visa-free regime with Russia: Uzbekistan, Tajikistan, Ukraine and Kyrgyzstan.

Fig. 2. Country distribution of labor migration flows in Russia in 2014 (%). Source: [7]

The research has revealed specifications of the beginning of the third demographic transition in Russia. Firstly, there is an existence of distinct demographic waves, for which in 2010 there was a reduction of the population of working age on the background of the birth rate growth, increased demographic pressure, problems of pension provisions, unsatisfied demand for labor force, etc.

Secondly, there is a spatial mismatch of labor resources allocation to labor market needs, which impairs the economic conditions also causing migration. So, a relatively high level of unemployment persisted, and the period of economic uncertainty intensified in small towns and rural areas, while in big cities such as Moscow and St. Petersburg, even during the economic crisis in 2009 - 2010 the number of vacancies exceeded the number of unemployed. Weak internal mobility was

due to the high differentiation of the Russian regions in terms of population living standards, real estate prices, specifics of traditions and low effective policies to stimulate internal migration.

Thirdly, there was an exhaustion of Russian-speaking population flows, process of reducing the level of education and qualification among the arriving migrants. And as the number of young people in migration flows grows there is a decrease of adaptive capacities of migrants due to poor knowledge of the Russian language. On the one hand, it testifies the failure of its popularity in the countries of origin; on the other hand, it is due to the fact that a large proportion of migrants is presented by natives of rural areas and provinces where the Russian language is in virtually no demand.

The experience of European countries passed or passing the third demographic transition can be used by other countries [3]. Unlike other demographic processes, migration is strongly regulated by the government, which according to existing plans may either encourage migration or limit it. Thus, the imposition of restrictions in the Russian migration legislation in 2014 has led to the reduction of migration flows, the number assigned to the migration registration decreased by 6% in 2015 [8].

Conclusion

There is a conclusion about the possibility of the third demographic transition existence in terms of migration between countries with developing economies. As far as Russia the third demographic transition was provoked by the economic crisis in 1990s, XX century.

There revealed the following specifications of the beginning of the third demographic transition in Russia: the presence of pronounced demographic waves; immigration provoking by a territorial mismatch of labor resources allocation to labor market needs; decrease in adaptive capabilities, level of education and qualifications of migrants as a rejuvenation of migration flows.

There has been proposed that an active migration policy is able to adjust the process of the third demographic transition.

Acknowledgement

The publication has been prepared within the project RSSF No16-02-00422 «Monitoring of external labor migration in the development of tools for the enhance of the socio-economic well-being of regions in Russia»

References

1. Coleman D. (2006) Immigration and Ethnic Change in Low-fertility Countries: A Third Demographic Transition // Population a. Development Rev, 3 (32), 401-446.
2. Coleman D., Rowthorn R. (2011) Who's afraid of population decline? A critical examination of its consequences // Demographic transition and its consequences. A supplement to population and development review, 37, 219-220.
3. Culture matters. How values shape human progress (2000) / Ed. by L. E. Harrison, and S. P. Huntington. N. Y.: Basic Books.
4. Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya systems [United interdepartmental information

and statistical system]. [Online] Available: <https://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31606> (March 3, 2016).

5. Kapitsa S.P. Demograficheskaya revolyutsiya v Rossii [Demographic revolution in Russia] Vek globalizatsii [Century of globalization], 1, 128-143.

6. Perepis naseleniya, 1987, 2010 [Population censuses, 1989 and 2010]. [Online] Available: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (March 3, 2016).

7. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik 2015 [Russian Statistical Yearbook 2015]: Stat.sb. [Statistical collection 2015], M.: Rosstat, 76, 115.

8. Statisticheskie svedeniya po migratsionnoy situatsii v Rossiyskoy Federatsii [Statistical data on migration situation in Russian Federation] Federalnaya migratsionnaya sluzhba RF [Federal migration service of RF]. [Online] Available: <http://www.fms.gov.ru/about/activity/stats/Statistics/> (March 3, 2016).

9. Van de Kaa D. (2002) O mezhdunarodnoy migratsii i kontseptsii demograficheskogo perekhoda [About international migration and concept of demographic transition] Mir v zerkale mezhdunarodnoy migratsii [World in mirror of international migration], 5, 93.

10. Vishnevskiy A.G. (2014) Kuda vedet demograficheskiy perekhod? [Where does demographic transition lead?] Vestnik Moskovskoy shkoly grazhdanskogo prosveshcheniya [Bulletin of Moscow School of Civic Education], 2-3 (65), 17-18.

About the authors

Elena B. Bedrina (Yekaterinburg, Russia) Ph.D., Associate Professor, Department of International Economics, Ural Federal University (620002, Russia, Yekaterinburg, 19, Mira Street; e-mail: Bedrina1967@mail.ru.);

Olga A. Kozlova (Yekaterinburg, Russia) Doc.Sc. (Economics), Professor, Head of Research Center for Socio-Economic Dynamics, Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (620014, Russia, Yekaterinburg, 29, Moskovskaya St.; e-mail: olga137@mail.ru.).

Armen M. Tsaturyan
Vanadzor State University after H. Tumanyan,
“Vanadzor special school of profound teaching mathematics
and natural sciences” SNPO

ABOUT ONE ADIABATIC INVARIANT OF COUNTRIES’ SUSTAINABILITY IN INTERNATIONAL MIGRATION PROCESS

Abstract

The article deals with the issues of preserving the sustainability of countries in the process of international migration. The sociological approach is selected as a research method, which focuses on issues related to the adaptation of migrants to new life conditions.

The presented task is to identify the impact of international migration on the sustainability of countries, while trying to establish some relations between the characteristics which may play a role of invariants of countries’ sustainability. Taking into account the nature and monotony of the migration process, with a view to quantitative and qualitative research in the article the method of analogy is first applied, namely, there is a transfer of physical concepts on adiabatic invariants of different systems. Besides, as the characteristic time of the system we have selected the average time of social adaptation (socialization) of migrants.

Making some calculations, we have obtained the adiabatic invariant ratio $G_M = \frac{D_M}{D_0} = const$ (G_M – an absolute migration coefficient; D_i – the total number of migrants increase over the relevant time; D_0 – growth of the native population). Taking $G_i = const$ as a condition for the sustainability for the migration processes, we make conclusions and suggestions for different groups of countries. In particular, for the countries that G_i is significant, population is of small size and has a low birth rate, the local people and migrants are of different religions, the sustainability is fragile and fraught with the emergence of social tensions. The results obtained can be applied in the sociological and economic research. There can be more advanced research of migration processes, taking into account many external and internal factors.

Keywords: migration, country sustainability, method of analogy, adiabatic invariant, absolute migration rate.

Introduction

The issues of migration policy management are particularly relevant. In the world research and regulation of migration processes with the help of theoretical approaches and methods requires the development of new research tools, including through simulation (modeling).

Under certain conditions, unjustified and unforeseen international migration can eventually create such an imbalance of public life, which leads to a crisis of social and cultural life of the country.

The purpose of the article is to analyze and identify the set of those parameters, which in some

respects can claim the role of invariants, providing sustainability in certain groups of countries in terms of international migration.

Among the scientific approaches to the research of international migration, we have selected the sociological approach, which focuses on issues related to the adaptation of migrants to new conditions of life. The desire to create a complex sociological theory of migration and to find universal approaches and solutions of problems leads to the need to simulate (model) the migration processes and create a methodology for their application in specific cases.

We state that the migration process for migrants and countries can be considered successful if migrants have eventually adapted to the society. Naturally, it requires a certain time and favorable conditions. For the natives in each country there is always a risk of loss of identity, which can lead to certain tensions. According to H. Tajfel's social identity theory, one of the basic laws of identity is a human desire to achieve positive identity, positive self-image [6].

In considering the sustainability of countries in conditions of international migration, we assume that these countries form a relatively closed system.

Our task is to identify the impact of international migration on the sustainability of countries, while trying to separate characteristics, determining the ratio the invariant of which is the country's sustainability. It is necessary to clearly divide the migration processes that occur continuously and monotonically and those that occur suddenly in a large scale, as a result of various disasters (wars, earthquakes, tsunamis, etc.).

Theoretical background of adiabatic modeling

Currently for forecasting the future development of the society mathematical modeling is widely used. It can be positive, if the selection of parameters and characteristics of the society focuses on the most important ones and considers long time intervals.

We consider that there must be some relations between the key parameters and characteristics of migration processes, which can guarantee the preservation of the relative sustainability and the stability of the country in the process of migration. It concerns the search of a certain invariant with respect to systems within countries in terms of external migration, which will slowly and monotonously change under certain conditions.

Taking into account the essence and monotony of the migration process, with a view to quantitative and qualitative research there has been applied the method of analogy, namely, carried out the transfer of the physical representations of the definition of adiabatic invariants of different systems. In the urban research there is a concept known as 'gravity model of migration', which is also an analogue of physical representations [5].

Adiabatic invariants are quantities that are stored with high accuracy at a slow change in the system parameters. The slowness of the change in comparison with the characteristic time parameter of the system, as well as its monotony over time is much more than the time parameter. They are two most important points that must first be taken into account when considering the issue.

The adiabatic parameter change means that the characteristic time for this change is much larger

than the characteristic time of the processes occurring in the system.

Adiabatic method of modeling migration consequences

As we are considering migration processes in the characteristic time τ of the variation of the parameter it is appropriate to choose the time during which at the monotonic flow of migrants their total number is equal to the number of the native population.

$$\tau = \frac{N_0 - N_{0M}}{R_M} \quad (1),$$
 where N_0 is the number of the native population in the country, N_{0M} is the number of migrants already living in the country, $R_M = \frac{\Delta N_M}{t}$ is a migration rate: the amount of arriving per unit of time.

As a characteristic time of the system (T) it is convenient to take the average time of social adaptation (socialization) of migrants, which is understood as the process of migrants' assimilation of "behavior, psychological attitudes, social norms and values, knowledge, skills, allowing them to function successfully in society" [4].

It is known that the presence of the universal laws of development in the history of the society is explained by the suitable adaptive responses in the psyche of people printed by the evolution [2].

The adaptation time T is very relative and highly dependent on many factors, among which the government migration policy, the age of the migrant, religious affiliation, language, place of migration (density of population of a given nationality), employment, etc.

In order to ensure that in most cases migration is adiabatic, we give an example of the Netherlands (population ≈ 17 mln., 1,8 million immigrants, the intensity of migration over the last 10 years is approximately 13,000 migrants per year).

For the Netherlands $\tau \approx 1000$ years. As an adaptation time we take the average number $T = 4$ years for the young and 15 years for adults. Then it can be argued that $\tau > T$, so, the number of migrants varies monotonically and adiabatic.

Now we will try to find the adiabatic invariant for the countries' system with the respect to its sustainability from the point of view of international migration.

For example, at some point the number of natives in some country is N_0 and the number of migrants N_{0M} . Let us determine the ratio of the number of migrants to the total population γ_1 , and call it the relative migration rate.

$$\gamma_1 = \frac{N_{0M}}{N_0 + N_{0M}} \quad (2)$$

For example, for a period of time the migration balance is equal to N_M , and during this time the natural growth of the native population and migrants already living in the country accordingly D_0 , D_{0M} . Then the relative migration rate is equal to:

$$\gamma_2 = \frac{N_{0M} + D_{0M} + N_M}{N_0 + N_{0M} + D_0 + N_M + D_{0M}} \quad (3)$$

If in a particular country at a concrete γ there is no society tension, it can be argued that the

preservation of this value can be an indicator of sustainability in a slow and monotonous change in the number of international migrants. One could argue that it is equivalent to the conservation of adaptation time, and, therefore, social entropy. Out of the stipulation $\gamma_1 = \gamma_2$ after simple mathematical transformations and taking into account that $N_M + D_{0M} = D_M$ is the total number of migrants' increase over the relevant time, we obtain:

$$\frac{N_{0M}}{N_0} = \frac{D_M}{D_0} \quad (4)$$

The left side of the equation (4) is the ratio of the number of migrants to the general population at some point in time, that is, the absolute rate of migration, and the right is the same factor for the growth of migrants and the native population.

Since the time interval chosen is arbitrary, then at $\gamma_1 = \gamma_2$ the ratio $G_M = \frac{D_M}{D_0}$ should remain constant, i.e. G_M is an adiabatic invariant in the considered migration process, in which there is no tension in the society.

From the conditions of adiabatic migration process ($\tau \gg T$) and the existence of the adiabatic invariant ($G_M = const$), one can make a number of conclusions about the sustainability of the country taking into account international migration.

It is considered that the adiabatic system invariant is the dimensional constant in determining entropy. We have found that in migration processes it is expressed in certain respects of quantitative and qualitative characteristics that have the features for a separate country.

Naturally, the adiabatic invariant (G_M) for different countries is different and depends on the initial values $\frac{N_{0M}}{N_0}$. For example, for the Netherlands it is equal to about 0.12 or 1/8.

Preserving the ratio G_M for a definite period of time is equal to the reproduction of migrants in amount $D_M = G_M \cdot D_0$. For the Netherlands, the natural increase of the population for 2015 was 20,000. It means that to preserve G_M it is necessary that the migrants' growth per year does not exceed $D_M = \frac{1}{8} \cdot 20000 \approx 2500$ (migrants). But in 2015 the number of international migrants was above 100,000.

It breaks the adiabatic condition of the migration process and also dramatically increases the value G_M , thus increasing social entropy and time adaptation of migrants. But if the flow of new migrants N_M depends on the governmental migration policy, then the natural growth of migrants already living there is due to the degree of their reproduction rate. Generally, in the developed countries, the balance of the native population is mainly negative, which eventually leads to serious demographic problems. In these countries, the government should in any way stimulate the birth rate and regulate the flow of migrants. Preserving the absolute migration coefficient G_M allows synchronizing migration processes with the adaptation period.

There are two approaches to solving the demographic problem: to rely one's own strength, as well as to conduct an open immigration policy.

Now it is important to discuss the issue of minimizing the time of migrants' adaptation (T), depending on the features of the migration policy of the country and the nature of the dynamics of population change due to migration.

The desire to minimize the significance of adaptation time is a desire to reduce social tension, depending on the migration and, consequently, lowering of social entropy, caused by migration. A.S.Akhiezer has put forward the idea of the existence of so-called constructive tension, fulfilling the function of overcoming socio-cultural contradictions. The vector of this tension is directed against the disorganization of entropic processes [1, p. 145-146].

Among a number of factors that hinder the rapid adaptation of migrants, and therefore, increase the adaptation time one can determine more significant, such as a religious difference, great age, lack of language skills, migrants' community, employment, inefficient migration policy, etc. In the presence of these obstacles adaptation time and social entropy increase. If the minimum amount of time to adapt in certain favorable terms denotes T_0 , then in the presence of obstacles this time will increase:

$T = T_0 + T^*$ (5), where T^* - the amount of time that is added to the minimum adaptation time at different obstacles. It is sure that the largest proportion of time T^* is devoted to religious difference, since it is associated with the ideological aspect of the socio-cultural adaptation.

A large cluster of close ties within immigrant communities helps create vital infrastructure and even political mobilization. It leads to the isolation of groups of migrants with respect to the others and, as a consequence, the formation of an unsustainable system of ties with the local population, uncertain social relations, experiencing fluctuations from quite neighborly to rapidly developing into conflict [8, p. 97-98].

To the host society as a whole, migration can "donate" the centers of social tension in places of high concentration of migrants, local outbreaks of ethnic conflicts, the growth of xenophobia, political radicalism and extremism, provoked by tensions and conflicts [7].

Besides, psychological problems of ethnic migration are most clearly revealed in the process of migrant adaptation to different ethno-cultural environment.

The main argument is based on the psychology of threat perception to the life style and local identity of 'original inhabitants'. The feeling is likely to occur in a relatively more ethno-homogeneous neighborhood with initial inflow of migrants (real or expected, but supposed) [3, p. 372-403].

Among the government migration policy, which prevents the rapid adaptation of migrants, it is possible to allocate the policy of multiculturalism. The latter exists in both Europe and Russia. It proved to be unsustainable, and now has entered the crisis stage. Relatively successful is the concept of "melting pot," which is opposed to multiculturalism and involves the merging of all cultures into one (USA, Canada etc.).

The forecasting results on adiabatic modeling

To reduce the social entropy, due to migration, countries should carry out "preventive work," namely, to predict and evaluate the characteristics that contribute to the reduction of the adaptation period.

In the context of migration social tensions and demographic imbalance is expected in countries where.

1. Absolute migration coefficient G_M is of great importance and there are no governmental

migration policy for its reduction.

2. No balanced social entropy exchange with external migration.
3. Population is numerically small and takes a lot of immigrants who have a high degree of fertility.
4. Native population and migrants profess different religions, which often leads to ideological conflicts and prevents adaptation of migrants.
5. Existing policy of multiculturalism promotes infrastructure within immigrant communities, thereby complicating their adaptation and integration into the society.
6. Education system does not contribute to the cultural “integration” of migrants on the basis of universal human values.

A focus of the separate research is the sudden, massive migration. In the case of mass migration, when for a short period of time the flow of forced migrants (refugees) is many times higher than normal, the condition $\tau > T$ is no longer valid, the process ceases to be adiabatic. Then, the absolute migration coefficient G_M dramatically increases and, consequently, the entropy and time adaptation of migrants. In this case, when the area of migration is not only one country, but the whole region, in the distribution of migrants one should take into account not only the population and area of the countries, but in particular their migrant saturation, that is G_M for them. The greater G_M , the greater risks. In the case of mass immigration concepts transfer, ruling on one side of the border, will automatically entail a reduction in the level of the social consensus.

Conclusion

Thus, using the method of analogy we transfer physical representations of the definition of adiabatic invariants of different systems into the migration processes, which allows modeling and researching these processes at a new qualitative and quantitative level and therefore make a number of proposals and recommendations.

The results can be applied in the sociological and economic research. Under this approach, one can research migration processes more extendedly, taking into account many external and internal factors.

References

1. Akhiezer A.S. (1991) Rossiya: kritika istoricheskogo opita [Russia: critics of historical experience]. Novosibirsk: sibirskiy khronograf, 145-146.
2. Frager R., Fadiman J. (2002) Lichnost: teorii, eksperimenti, uprazhneniya [Personality: theory, experiments, exercises]. SPb: Praym-Evro-Znak.
3. Green D.P., Strolovitch D.Z., & Wong J.S. (1998) Defended Neighborhoods, Integration, and Racially Motivated Crime. American Journal of Sociology, 104(2), 372-403.
4. Meshcherekov B., Zinchenko V. (2004) Sotsializatsiya. Bolshoy psikhologicheskii slovar [Socialization. Big Psychological Dictionary]. M.: OLMA-PRESS.

5. Rodrigue J.-P., Comtois C. Slack B. (2009) *The Geography of Transport Systems*. London, New York: Routledge.
6. Tajfel H. (1978). *Social Categorization in the Social Psychology of Intergroup relations*. London: Academic Press.
7. Vitkovskaya G., Malashenko A. (1999) Vinuzhdennaya migratsiya i migrantofobiya v Rossii [Forced migration and migrant-phobia in Russia] *Neterpimost v Rossii: starie i novie fobii [Intolerance in Russia: Old and New Phobias]*. M.: Centr Karnegi, 151-191.
8. Yudina T.N. (2006) *Sotsiologiya migratsii [Sociology of Migration]*. M.: Akademicheskiy proect, 97-98.

About the author

Armen M. Tsaturyan (Republic of Armenia, Vanadzor, 65/21 Tigran Metsi St.), Doc Sc. (Pedagogy), Professor RANH, Associate Professor, Physics Department, Vanadzor State University after H. Tumanyan; Director of SNPO Vanadzor Special School of Profound Teaching Mathematics and Natural Sciences (377200 Republic of Armenia, Loriysky Region, Vanadzor, 100 Vardanants St.); e-mail: evrika24@rambler.ru; tel.: +374 91208126

ACADEMIC MOBILITY AS EXPANSION FACTOR OF MIGRATORY FLOWS

Abstract

In recent years, migration as a transnational phenomenon plays an increasingly prominent role in the geo-economic and geopolitical processes. Academic migration can be viewed as a special kind of migration. This type of migration contributes to the development of quality human potential, which is closely linked to the quality of human capital. The purpose of the article is to examine the Russian demographic situation at present and possible replenishment of high-quality labor resources due to academic migration. The article presents the forecast of the number of students in Russian universities, including foreign ones.

The article considers adaptation experience of foreign students in the American University of Toledo and the University of New Zealand, as well as the analysis of educational migration in the Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia), which shows the dynamics of educational migration at the University from 1998 to 2015. These results emphasize the importance of the problem of socio-economic and cultural adaptation related to moving to another country for further training. The data obtained can be used to compile the adaptation program in the academic environment. Taking into account the complexity and diversity challenges presented, it is necessary to undertake further multidisciplinary research.

Keywords: academic mobility, migration flows, educational migrants, foreign students' adaptation

Introduction

In recent years, as reflected in the Concept of the Migration Policy of the Russian Federation for the period up to 2025, in Russian migration processes educational migration takes an important place. Recognizing the significant role of educational migration is caused by two factors. The first factor involves a complex system of parameters characterizing primarily the demographic situation in Russia. The second factor is the “soft power” associated with the desire of Russian universities to become educational and cultural centers, enter the rankings of the best universities in the world, promote academic mobility in general [4, p. 44].

Education, including at the international level, is an important part of the social life of the individual. Russia is not an exception: more and more students seek training and additional international standard qualification in foreign universities. Educational migration for many countries, including in Russia, turns into an important and highly profitable sector of the economy and its

transformation into a reliable source of essential personnel. The higher academic mobility is the greater social activity of younger generation.

Academic mobility enables students and university professors to “move” from one institution to another to exchange experiences, overcome national isolation and acquire the pan-European perspective. According to the recommendations of the Bologna Declaration, each student is invited to spend at least one semester at another university, preferably abroad. Undoubtedly, the high degree of academic mobility requires a well-developed infrastructure (hostels, health insurance, etc.), availability of financing sources (scholarships, travel grants, etc.), high language skills of students and lecturers enabled to teach and be taught abroad (in foreign languages), as well as the psychological readiness of educational migrants to adapt to the new conditions, which, unfortunately, are not always feasible. Currently in Russia, even internal mobility is not sufficiently developed. We should also mention about mass trips of students to European and other foreign universities. It should be a priority for universities and education authorities [2].

Demographic situation in Russia

In the modern world demographic processes are determined by the fast growth of the senior group. Between 1994 and 2014 the number of people aged 60 and older increased by almost half. The world’s population is aging. Even in China, according to available estimates, the population will begin to decline as early as 2038-2040. In 2014 the total fertility rate in the world was about 2.5 children per woman [6].

So, the interest in foreign students is related to the demographic challenges. Demographic calculations show that the reduction in the number of high school graduates in the next five years, the main contingent of entering universities, is about 10% [4, p. 45].

According to the medium variant of Rosstat forecast (Russia) for the period 2015-2020 there will be the deepest gap in the number of the active labor contingent falling by 5 million people. The reduction will mainly affect the youngest working age group (18-29 years old). Young workers will quickly become the scarcest resource in the labor market [7].

Due to the demographic situation in Russia, the number of students of institutions implementing the program of higher education, as compared 2009/2010 to 2013/2014 academic years, will be reduced by 493,800 i.e. 15.3%.

To reduce the negative effect of reducing the total number of students in Russian university until 2025 is presumably possible by increasing the admission the foreign nationals. If the annual rate of increase of foreign citizens in the Russian universities will remain at current levels (4-5%), comparing with the 2009/2010 academic year then by 2025 their numbers in higher education institutions of the Russian Federation may increase about twice: 76,600 people – 2009/2010 and 159,300 – 2024/2025.

Nowadays, the growth in the number of foreign students in the Russian Federation is mainly due to immigrants from the CIS countries (Belarus, Kazakhstan, Turkmenistan, Tajikistan and Azerbaijan) and Asia (China, Myanmar and Mongolia). The largest contingent of foreign students in Russian universities are the representatives of China, in the second place - Kazakhstan, the third

- India, the fourth - Ukraine, the fifth - Vietnam. At the same time the number of students from the Baltic countries, Africa and Latin America have decreased [3].

Analysis of educational migration opportunities in Russia

In recent years, educational migration takes a significant place in the Russian migration policy. It can be judged by the statements of the government, updating the thesaurus of terms characterizing the educational migration, reflected in the Concept of the Migration Policy of the Russian Federation for the period until 2025.

The peculiarity of the formation of the modern education system in Russia is an attempt to ensure consistent development according to European trends in the mid 1970s of the twentieth century, when there was a need of convergence and harmonization of European education systems in order to create a single European Higher Education Area.

The liberalization of the immigration legislation in the last decade of the twentieth century offered Russian young generation the opportunity to receive higher education and advanced degrees in foreign universities. Research of educational migration shows that every year between countries and universities there is an increase in competition for the education migrants as foreign students are the “norm of international cooperation” and “soft power” in the context of geo-cultural space, and future “quality labor migrants” (young, embedded in the socio-cultural context). The increase share of educational migration in the total migration flow provides greater manageability of the immigration process; therefore, education migration can be considered an important component in the concept of security of any country.

Thus, the “educational migrants” as a category of social analysis and a special group of migrants was first designated in the new Concept of the Migration Policy of the Russian Federation for the period up to 2025. Educational migration is not a homogeneous phenomenon; the group of educational migrants consists of various subgroups that differ in the goals of migration, respectively, play different roles in the immigration policy of Russia.

Thus, students from the EU and US are participants of the short-term educational programs focused on international cooperation in the future professional activity, but definitely they don't plan to work in Russia. At the same time, educational migrants from CIS countries getting higher professional education in Russia make plans for professional development precisely in Russia (especially in Moscow) [4, p. 49].

Success in the field of educational migration depends on the agreed decisions and actions, both at the university management level and at the level of regional and federal immigration policy. So, educational migration is widespread in the modern world. There is a sufficient experience on the organization of the acceptance and training of students in foreign countries, which offer numerous programs for various periods of training. The CIS countries have less experience with international migration. However, many representatives of these countries want to study abroad.

Russia is one of the ten top countries for educational migration. The most popular among foreign students studying in Russian universities, are areas in the humanities (20.5%), health care (20.2%), economics and management (16.6%) and the Russian language.

Problems of educational migration adaptation on the example of foreign universities

To solve problems of educational migration one can use the experience of other foreign universities. Thus, we have studied the experience of the two foreign universities: the American University of Toledo and the University of New Zealand.

At the University of Toledo (USA), foreign students account for about 10% of the number of students (the total enrollment is over 16,000 students). The main problems of international students are adaptation to a new culture, lack of knowledge of the English language, financial hardship, nostalgia for the homeland and a mutual lack of understanding on the part of a broad University community. The researchers note that foreign students are often lonely in the new environment.

Such loneliness includes not only the absence of friends and relatives, but also the absence of a familiar cultural and linguistic environment. Therefore, the number of friends for a foreign student is one of the main factors of success of adaptation to the new environment. Experts also note that knowledge of English is very important in terms of academic and social integration of foreign students. Recommendations for a more successful adaptation of foreign students include initiatives to enhance the role of international students at the university, to improve the financial aid and scholarships, as well as to create conditions for mastering spoken English [5].

A special feature of the University of Technology in New Zealand is that more than 85% of international students are from Asia. A lot of work on studying the level of the Asian international students' needs has been done. The survey found that Asian students were generally satisfied with their learning experience at the university in terms of the quality of education and training programs. The main problems were cross-cultural communication barriers: language difficulties, cultural differences, lack of knowledge of academic rules and regulations, the difficulties in making friends among local students, and the lack of a sense of belonging to the student community.

Research shows that it is important that lecturers of leading universities can adapt pedagogical methods of teaching and redesign them according to the needs of international students. The closer to the student the culture of the host community, the easier it is to find interaction and regulate the process of adaptation. The survey found that Asian students were more concerned about the high-quality education, but had lower levels of satisfaction with their training and experienced more problems related to academic and intellectual tasks than students from Europe, South and North America and Australia [1].

Educational migration in Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

Despite the fact that the migration of the population as a socio-economic phenomenon has long been known, it has still attracted attention and interest in science and in practical terms, especially it concerns educational (training) migration.

In our study on the example of the Ural Federal University in Yekaterinburg (UrFU), we consider the dynamics of educational migration at the University from 1998 to 2015. Working with electronic databases, using statistical methods, we have made the following conclusions:

- Over 18 years in the Ural Federal University there have been students (educational migrants)

from 74 countries, including 15 countries of the “near abroad” (15 former Soviet republics) and 59 countries from “far abroad”. Well represented are Africa (Gabon, Guinea, Zambia, Egypt, and others) and Asian countries (China, Japan, Korea, Afghanistan, Iraq, Iran, Syria, Pakistan, etc.), to a less extent European countries (Germany, Italy, France, Bulgaria, Great Britain and others.) and the United States.

- During the period of 1998-2015 there are observed a steady annual increase in entering. Although in 2009 there was a significant decline from the 267 people in 2008 to 81 people in 2009. It was due to the financial crisis of 2008-2009 in Russia against the background of the global financial crisis. However, since 2011 there is a rise with a constant annual growth: 2011 – 170 people; 2012 – 338; 2013 – 499; 2014 – 714; 2015 – 724.

- By gender male-foreigners entered in 2 times more than women, especially from Asian countries: 2011 - 100 and 70; 2015 - 445 and 279, respectively.

- From 2000 to 2005, there were more popular courses in the area of economics and management, and in 2006-2008 there was a peak of popularity in the course of “Industrial and Civil Construction.” Since 2009 the course “Philology” has been gaining popularity, as there was a start of working of the one-year preparatory department for foreigners studying Russian language with the aim of further entering the UrFU.

Conclusion

In recent decades, the research of the problem of foreign students’ adaptation to the new socio-cultural environment has become extremely important in the foreign and Russian science. The reason for scrutiny of the scientific community, reflected in numerous research, is the intensification of migration flows and other movement types (tourism, business trips, international exchanges, education, etc).

Education abroad is a popular trend worldwide. Year by year, there is an increase in the number of those wishing to receive additional education outside the country. Employers, according to the survey, are more inclined to choose someone who has experience of studying abroad. International experience, in the opinion of employers, helps to better understand the cultural differences and significantly helps to achieve success in their work.

In this regard, there is a very urgent problem of socio-economic and cultural adaptation related to moving to another country for further training. Thus, we can conclude that the transnational migration flows involve not only the labor and trade migration, but educational migration as well, the number of which increases with each year. This type of migration contributes to the development of quality human potential, which is closely linked to the quality of human capital. In general, the concept of human potential can be considered as an extension of human capabilities through education, which are further implemented in other types of economic activity. However, this type of migration has a number of problems that require further research and development of programs for adaptation [3].

References

1. Zayonchkovskaya Zh. (2015) Kto vstanet u stanka? [Who will work at the machine?]. Migratsiya: XXI vek [Migration: XXI century], 3 (30), M.: AMA-PRESS Ltd, 21-22.
2. Kazakov V.N. (2012) Kakuyu rol v razvitii Bolonskogo protsessa igraet akademicheskaya mobilnost? [What role in development of Bologna process does the academic mobility play?] On-line Available: <http://www.bologna.spbu.ru/faq/75-2012-07-09-13-56-43> (January 20, 2016).
3. Kuprina T.V. (2014) Problemi i vozmozhnomy transkulturnogo obrazovaniya [Problems and possibilities of transcultural education] Rossia v WTO: god posle vstupleniya [Russia in WTO: a year after the entrance]. M.: Ekonomika, 309-320.
4. Sergeeva L.V., Kuprina T.V. (2015) Mezhdunarodnaya obrazovatel'naya migratsiya: problemi sotsialno-kulturnoy adaptatsii i vozmozhnye puti ikh resheniya [International educational migration: problems of social and cultural adaptation and possible ways of solutions]. Sovremennye kontseptsii professional'nogo obrazovaniya studencheskoy molodezhi: kolektivnaya monografiya [Modern concepts of professional education of students: collective monograph], Ulyanovsk: SIM-JET, 44-56.
5. Ulmasov R. (2015) Geomigratsiya: mainstrim [Geomigration: mainstream]. Migratsiya: XXI vek [: XXI century], 1-2 (28-29), M.: AMA-PRESS Ltd, 55-57.
6. Campbell J., Li M. Asian students' voices: An empirical study of Asian students' learning experiences at a New Zealand University On-line Available: <http://jsi.sagepub.com/content/12/4/375.full.pdf+html> (January 1, 2016).
7. Sherry M., Thomas P., Chui W.H. (2010) International students: A vulnerable student population On-line Available: <http://download.springer.com/static/pdf/585/art%253A10.1007%252Fs10734-009-9284-z.pdf?auth66=> (January 23, 2016).

Information about the author

Lyubov Vladimirovna Sergeeva, post-graduate student (Scientific supervisor – Prof. T.Kuprina), Department of Foreign Languages and Translation, Ural Federal University, 19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, +7 (343) 375-93-71, l.v.chernavskih@urfu.ru

Reviews and Notes

A.Petrikova, T.Kuprina, J.Gallo “Fundamentals of Intercultural Didactics”. –M.: Russian Language. Courses, 2015. – 376p. ISBN 978-5-88337-416-5

In 2013 in Preshov, Slovak Republic there was published educational-methodical complex “Introduction to Didactics of Russian Language and Intercultural Communication.” The complex quickly gained popularity, received and continues receiving very high ratings. Currently, a limited number of it is used in Slovak Republic, Russia, Armenia, Belgium, Czech Republic, Germany, Italy, Japan, Poland and Ukraine.

At the moment, the publishing house “Russian Language. Courses” (Moscow, Russia) has published the second edition of educational complex, called “Fundamentals of Intercultural Didactics”. The course-book is accompanied by “Hypertextual Workshop on Intercultural Communication” offered in the CD.

The course-book discusses the didactic fundamentals of teaching Russian as a foreign language in various types of educational institutions. The idea of learning a foreign language is based on the cross-cultural paradigm which involves the related language training and culture as the modern world is a multicultural and multilingual one. We believe that it predetermines the training of students for living in a multipolar world.

Taking into account the development of the modern education paradigm, the authors’ team offers their own concept of diversification of the university discipline “Didactics of Teaching Russian as Foreign Language,” which is reflected in the course-book, designed for lecturers, students of gradual and post gradual education.

The course-book consists of six chapters.

The **first chapter** deals with basic problems of didactics of foreign language teaching, the essence of didactic teaching Russian as a foreign language, its subject and tasks. It describes the types of didactics and its interrelation with other sciences, the new concept of “intercultural didactics.” Basic didactic categories, their relationships in the process of foreign language teaching are discussed in the second section. The third section describes the age levels of students, their learning prerequisites and individual approach in modern education. In the third section there are some types of exercises and assignments for students, depending on the predominance of their left-hemispheric or right-hemispheric modality. The first chapter completes with the description of the tools of foreign language teaching, types of modern educational complexes.

The objective of the **second chapter** is to introduce the paradigm of intercultural education, its components, didactic description of students’ intercultural communication competence. The lecturers are leaders in the classroom, so it is important to know what professional communicative competences they should have. The chapter considers causes of communication conflicts in a multicultural environment and ways to overcome them. Mutual understanding of representatives of different nationalities, successful communications require the development of competences in the field of non-verbal communication in a multicultural audience, this issue has also been represented in the chapter.

The **third chapter** is devoted to describing the intercultural aspects of foreign language teaching. In European schools the Russian language is as a second foreign language, while there is a clear tendency of increasing a number of students learning it. This chapter describes the basics of the intercultural and communicative method, which is considered at present the most relevant method of foreign language teaching. The chapter presents training linguistic tools of communication in the aspect of the dialogue of cultures, which is one of the main conditions of multicultural education and development of the student's identity. Attention is paid to oral and written communication with a perception of foreign language cultural facts.

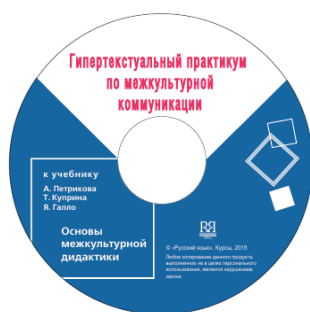
The **fourth chapter** describes the current approaches in education, as well as the strategies, methods for their implementation. In this chapter, one can find answers to the following questions: how to prepare for the lesson, design their plans, models and stages of the lesson and how lessons should be organized to motivate students.

In the **fifth chapter** one can learn about the essence of interactive educational methods and technologies, such as multimedia transformer, blended learning, brainstorming, drama, case study, discussion, portfolio and their application in the process of foreign language teaching.

The **sixth chapter** deals with the problems of bilingual education. In this chapter, one can consider such topics as: the competencies required for teaching in the bilingual type of schools; the selection of teaching materials for bilingual lessons; methods of implementation of bilingual lessons; assessment of bilingual education. In addition to traditional methods, it is recommended to use alternative teaching methods in the bilingual classes: IT-technologies, distance learning, interactive tools, role-playing and multicultural guides training. The material presented in the chapter may be used at some lessons in monolingual schools.

In teaching future foreign language lecturers the important role is devoted to teaching practice the time for which is limited, so the course-book presents a variety of professional cases, which we hope will help in an unlimited time mode to analyze situations of the educational environment and to find solutions, both independently and in collaboration with the study group. Using case studies as one of the most active and challenging teaching methods, raises learning on a higher and qualitatively new level.

The Appendices include additional educational materials to help beginners to get teaching skills.

A.Petrikova, T.Kuprina, J.Gallo Hypertextual Workshop on Intercultural Communication

The course-book “Fundamentals of Intercultural Didactics” is accompanied by “Hypertextual Workshop on Intercultural Communication” on an electronic medium, offering to compare the culture of Russia and other countries. As a result, you find those roots that unite the peoples of all continents.

The Workshop is composed in a modular type and consists of 14

sections (modules), the keys to the exercises, 3 textual and 7 musical appendices, a list of resources used.

The novelty of Hypertextual Workshop is to present not only the most famous Russian cities such as Moscow and St. Petersburg but also the Ural region as a rapidly developing region in Russia.

The structure of Hypertextual Workshop includes the following topics: 1. Russian Federation. 2. Russian national symbol: birch. 3. Russian national costume. 4. Russian national musical instruments. 5. Russian national household items, 6. Russian national meal, 7. Russian national souvenir, 8. Russian national traditions: Russian bath (banya), 9. Russian national holidays and celebrations: Shrovetide (Maslenitsa), Wedding, 10. Urals – Yekaterinburg. 11. Ural writers to children, 12. Generalizing exercises and activities. 13. Exercises of increased complexity. Project activities. 14. Methodical exercises for lecturers.

In designing Hypertextual Workshop the authors have used an innovative concept of hypertext which is a set of texts containing transition nodes between them, permitting to choose information or reading sequence. It is used to create the effect of the game since the amount of meanings of the original text extends due to the formation of the reader's storyline.

A distinctive feature of the modules is their multifunctional use. Module materials can be used on an interdisciplinary level: Russian Language – History, Russian Language – Geography, Russian Language – Cultural Studies, Russian Language – Literature, Russian Language – Biology, Russian Language – Music and even Russian Language – Mathematics (for example, the numerical parameters); for the introduction and testing lexical and grammatical forms. At the end of each part there are some exercises.

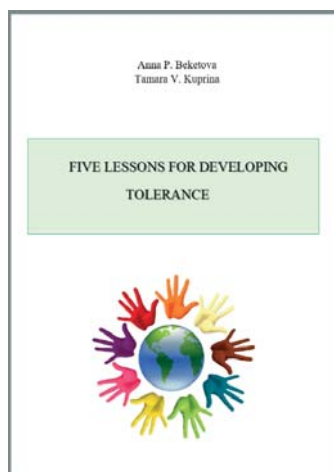
In the Textual Appendices there are two tales of the Ural writer P.P. Bazhov in Russian and English, and a tale of the Ural writer D.N. Mamin-Sibiryak in Russian. They also include tasks relying on images.

In the Musical Appendices there are some famous Russian folk songs, fragment from Tchaikovsky's album "Seasons" (March) and the fairy-tale "Father Frost's Reed Pipe".

The authors of the complex recommend the comprehensive use of course-book materials and Hypertextual workshop on intercultural communication.

The edition of the educational complex "Introduction to Didactics of Russian Language and Intercultural Communication" and "Workshop on Intercultural Communication" won Gold Medal at XXVIII Moscow International Book Fair (2-6 September 2015).

Preview

Anna P. Beketova, Tamara V. Kuprina “Five Lessons for Developing Tolerance” (preparing for publishing, 2016)

In today’s multicultural world the ability to communicate with different cultures which often have significant differences in the perception of the world is becoming increasingly important. Particular attention is paid to the development of tolerant behavior skills in the students’ audience becoming increasingly multinational.

However, in existing tutorials there are almost no issues on tolerance and constructive intercultural dialogue. Besides, there are no special tutorials entirely devoted to the problem.

The aim of the proposed tutorial is to fill in the aforementioned gap. The tutorial is completely devoted to the development of intercultural tolerance with regard to the requirements to modern training technologies. It represents not the fragmentary information but systemic knowledge on one of the most difficult social problems.

The importance of the development of students’ tolerance is due to the fact that today’s multicultural society demands specialists not only with a high professional level, but also having the ability to constructive interaction with people of different nationalities both in everyday and professional communication.

The tutorial is comprehensive and consists of five modules: “A lesson of respect for others,” “A lesson of polite behavior,” “A lesson of dealing with differences,” “A lesson of professional behavior” and “A lesson of being part of a global society”.

Each unit contains four topics representing the authentic texts; tasks designed to enhance and consolidate the theoretical and practical skills on the proposed topics; exercises to develop communication skills.

In designing tasks and exercises the primary role is given to the principle of communication which is focused on team-working both with the lecturer and students with each other.

The selection of material is based on the overall level of students’ English proficiency (Intermediate – according to European standards).

As a result of working with the tutorial students are expected to develop in-depth knowledge on tolerance; realize the importance and necessity of a respectful attitude towards the people around; master the skills of tolerant interpersonal interactions, including cross-cultural; get constructive competences for conducting and showing the desire for tolerant intercultural dialogue.

Книга-исследование В. Бондаренко «М.Ю. Лермонтов. Мистический гений» и серийный книгоиздательский проект «Читай Россию» в Китае.

Си Лэй, профессор Пекинского объединенного университета.

Vladimir Bondarenko «M. Yu.Lermontov. Mystical Genius.» (An examination).

Монография известного русского литературного критика В.Г. Бондаренко «М.Ю. Лермонтов. Мистический гений» вышла в Китае в январе 2016 года. Ее выпустило престижное китайское научное издательство «Восток» в Пекине. Книгу перевел профессор Пекинского университета иностранных языков Ван Лие, которого автор издания В. Бондаренко назвал «выдающимся ученым-русистом и лермонтоведом». Как отмечает переводчик Ван Лие в своем предисловии к монографии, значение выпуска данной книги состоит, во-первых, в том, что в русском и мировом лермонтоведении за последние годы обнаружилось много нового, и это существенно восполнило представления исследователей о русской литературе XIX века в целом. Во-вторых, книга В. Бондаренко сильна своей фактографией и трактовкой отдельных произведений русского поэта, оттого может считаться важным фактором в побуждении к исследовательской и переводческой деятельности в сфере китайского лермонтоведения.

Сразу же после выхода данного издания на него появилось множество рецензий. Как оказалось, китайские критики единогласно считают, что правдивая трактовка судьбы и творчества русского классика будет во многом способствовать интенсивному развитию китайского лермонтоведения и китайско-русских литературных связей в целом. В Поднебесной книга В. Бондаренко является первой монографией, которая посвящена подробному исследованию биографии М. Лермонтова. В связи с тем она вызвала неподдельно глубокий интерес у китайских читателей. Гу Юньпу, профессор Пекинского университета, крупнейший современный переводчик и исследователь лирики Лермонтова в Китае, лауреат международных премий (китайской, русской и др.) за переводы лирики М.Ю. Лермонтова, дал книге В. Бондаренко и переводу Ван Лие высокую оценку. По его мнению, книга справедливо защищает и точно разъясняет великий русский талант, которому он более полувека посвящал свои переводы и исследования. Гу Юньпу отмечает, что именно книга «М.Ю. Лермонтов. Мистический гений» помогла ему постигнуть глубину душевного мира выдающегося русского писателя. Во-вторых, в качестве свидетеля процесса труда переводчика он отмечает, что профессор Ван Лие денно и ночью, не покладая рук, работал над этой книгой, добиваясь адекватности и совершенства ее перевода, и заботясь о том, чтобы ценная монография русского критика была выпущена в срок – в рамках юбилейного празднования 200-летия со дня рождения М.Ю. Лермонтова. В заключение ученый признает, что и автор, и переводчик внесли своими книгами огромный вклад в русско-китайскую компаративистику и в дело расширения культурно-просветительского диалога двух стран.

Попутно отметим, что, следуя интересу в сфере творческой биографии русского классика, профессор Ван Лие в юбилейном 2015 году успел познакомить с фрагментами собственного теоретического исследования в области китайского лермонтововедения читателей из России, выступив с докладом в Московском государственном университете и опубликовав статьи в филологических журналах в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге.

Монография В. Бондаренко о М. Лермонтове включена в проект серийного издания книг под грифом «Читай Россию». Проект курируется Центром славистики в Китае при Столичном педагогическом университете во главе с председателем КАПРЯЛ-а и заместителем министра Китайского министерства просвещения Лю Лиминем, известными учеными-филологами Лю Вэньфеем и Чю Юньхуа. Серия состоит из трех циклов. Во-первых, из переводов книг о жизни крупных культурных и литературных деятелей. Кроме книги «М.Ю. Лермонтов. Мистический гений» (В. Бондаренко, 2016), серийное издание будет включать еще такие монографии, как «Дмитрий Лихачев» (Ж. Нива, 2016), «А. Солженицын» (Вал. Попов, 2016). Во-вторых, из переводов шедевров русских классиков: уже выпущены «Избранные стихотворения поэтов серебряного века» (пер. Чажн Бин, 2015), готовится «Полное собрание произведений и писем А.А. Ахматовой» (2017). В-третьих, из научных монографий китайских ученых-филологов.

Филологический проект «Читай Россию» отличается демократическим стилем. В первую очередь, открытость проявляется, в выборе тем. Данная серия характеризуется литературоцентризмом, между тем, литературные темы экстраполируются в разные культурологические области, в том числе в язык, философию, религию, искусство и др., в те сферы, которые помогают китайским читателям глубже постигать гуманистический потенциал России и приобщиться к ее высоким научно-исследовательским достижениям. Во-вторых, для проекта характерна открытость формы издания. Данная серия не ограничена ни количеством авторских книг, ни хронологическим диапазоном изданий. Задача заключается в том, чтобы, обнаружив зрелую книгу, своевременно принять ее к печати и сделать достоянием китайской нации. В-третьих, такая открытость сказывается еще в определении мобильных групп из числа переводчиков и авторов. Сама идея об этой серии выдвинута Столичным педагогическим университетом. Редакционные советы образуются только из состава ученых-русистов данного университета. Серия «Читай Россию» принимает к публикации научные шедевры ученых-славистов всего мира, а за переводы отвечают высокопрофессиональные переводчики всего Китая.

Для заметок
For notes

Address for correspondence and submissions:

Prof. Thomas R. Beyer

Russian, Middlebury College, Middlebury, Vermont 05753, USA

e-mail: beyer@middleberry.edu; infoccs.edu@gmail.com

*The scientific journal is registered with Library of Congress, International center 227/07,
Section ISSN Publisher liaison*

The Library of Congress

101 Independence Avenue SE

Washington, D.C. 20540-4284

Copyright © CCS&ES